

Министерство просвещения Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский Государственный Педагогический Университет»
Институт филологии и межкультурной коммуникации
Кафедра литературы и методики ее преподавания

**Проблема революционного насилия в романе М.
Осоргина «Свидетель истории» (материалы для
изучения в школе)**

Допустить к защите:

Зав. кафедрой

Магистерская диссертация

студента 2 курса, литературное
образование
Соколова Д.Ю.

Научный руководитель:
д.ф.н.,
профессор,
Барковская Н.В.

Екатеринбург
2020

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. М.А. Осоргин как свидетель истории.....	8
1.1 Основные вехи в жизни и творчестве писателя.....	8
1.2 Произведения Осоргина.....	12
1.3 Мнения исследователей о творчестве Осоргина.....	15
1.4 Взгляды М.А. Осоргина на проблему революционного террора (рассказ «Террорист»).....	17
Глава 2. Трагедия утраченной жизни в романе М.А. Осоргина «Свидетель истории».....	21
2.1 Место романа "Свидетель истории" в творчестве М. Осоргина.....	21
2.2 Наташа Калымова: путь в истории.....	23
2.3 Отец Яков – путь сквозь историю.....	35
2.4. Роль второстепенных персонажей в романе.....	46
Глава 3. Традиции русской литературы в романе М. Осоргина «Свидетель истории».....	52
3.1. Традиции русской классики.....	52
3.2. М. Осоргин и Л. Андреев о революционерах-террористах.....	62
Заключение.....	66
Список литературы.....	71

Введение

Актуальность исследования

Михаил Осоргин – автор весьма противоречивый. Уроженец Перми, с самого раннего детства и до глубокой старости боготворивший уральские красоты, что отразилось в его творчестве, писатель прошел длинный путь. За свою жизнь он успел испытать на себе роль революционера, сражавшегося против господствующего режима, тюремные муки, установление власти большевиков, высылку в 1922 г., нелегкие условия в эмиграции, и одновременно он был человеком глубоко эрудированным, ценящим человеческую свободу, независимость, чему способствовало его многолетняя работа в масонской ложе. Внутри Осоргина уживались две крайности – революционер и гуманист.

Настолько крупный прозаик и публицист, в своем таланте не уступающий более известным в то время писателям, он попал под пристальное внимание многих исследователей, в основном постсоветского периода. Среди трудов постсоветского периода, посвященных творчеству Осоргина, следует отметить, прежде всего, диссертацию Татьяны Марченко, включающей в себя широкий обзор эмиграционного творчества Михаила Осоргина. Наследие писателя стало также темой биографических статей Олега Ласунского, который рассматривает жизнь и творчество писателя в контексте исторического времени. Изучением публицистических работ занималась Людмила Поликовская. Работы Ольги Авдеевой посвящены осмыслению жизненного пути писателя. Нина Барковская рассматривает художественное своеобразие исторических миниатюр Осоргина. Галина Лобанова в своих работах занималась изучением проблемы «маленького человека» в творчестве Осоргина. Это неполный список работ, посвященных изучению творчества Осоргина. К творчеству Осоргина до сих пор проявляют интерес литературоведы.

На протяжении жизни из-под пера Осоргина вышло много замечательных произведений. Самые известные из них: «Сивцев Вражек», «Свидетель истории», «Книга о концах», «Вольный каменщик», «Времена», также рассказы. Стоит отметить его активную деятельность на поприще публицистики

Революция 25 октября (7 ноября) 1917 г. положила конец господству буржуазии, но была установлена новая диктатура – партии большевиков. Осоргин, к сожалению, не принял сложившийся порядок вещей и был вынужден покинуть Россию, будучи выслан в административном порядке. Многие из бывших революционеров не могли согласиться с законностью и правильностью действий, совершаемых представителями большевистской партии.

Попытки свержения существовавшего строя предпринимались разными партиями по-разному. Практиковалась и тактика индивидуального террора. Можно назвать ряд авторов, которые оставили письменные свидетельства. К ним можно причислить: Н.А. Морозов [24] («Письма из шлиссельбургской крепости»), Г.А. Лопатин [22] (сборник стихов «Из-за решетки»), Б.В. Савинков [35] («Воспоминания террориста»). Данные тексты в большинстве автобиографичны.

Каждый из них описывал жизнь террористов того времени, с их самопожертвованием и самоотверженностью, с верой в светлое будущее и в свои идеалы. Но не стоит забывать, что это – художественные произведения, и для них свойственно некое преувеличение. В них нет привычных нам ГЕРОЕВ, в них только – люди, которые избрали этот самоубийственный путь, их противоречивые мысли и безграничная вера в справедливость.

В рассматриваемом произведении Осоргина «Свидетель истории» данные элементы присутствуют. За одним исключением – все вышеперечисленные авторы являлись участниками событий, происходившие в то время. А вот произведение Осоргина интересно тем, что автор-свидетель

смог передать напряжение, динамику, психологизм персонажей, не являясь непосредственным участником этих событий.

Как и выше указанные авторы, Осоргин не обошел стороной положительные качества героев, такие как самопожертвование, непоколебимость, вера в идею. Но стоит отметить, что за этой благородной целью стояли человеческие жизни, как со стороны революционеров (эсеров, народовольцев), так со стороны государственных чиновников и их приближенных. В качестве примера можно привести взрыв в доме Столыпина, в результате которого пострадали дети. До сих пор ведутся споры, насколько совершаемые действия были правильными. Но, как и на войне, революции без жертв не бывает. Цена крови нескольких людей – цена за свободу многих.

Таким образом, актуальность заявленной проблемы определяется выбором материала и ракурсом ее исследования.

Объект исследования – образы террористов в романе «Свидетель истории»

Предмет исследования – приемы создания образов и способы выражения авторской позиции в романе «Свидетель истории»

Цель исследования – проанализировать художественное решение проблемы революционного насилия в романе М. Осоргина «Свидетель истории».

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**:

- 1) предпринять краткий обзор жизни и творчества М.А. Осоргина, акцентировав эволюцию его мировоззрения;
- 2) определить место романа «Свидетель истории» в творчестве писателя, охарактеризовать общую концепцию произведения;
- 3) предпринять анализ образов главных героев (Натальи Калымовой, Оленя, Фани, братьев Гракхов);

4) выявить принцип организации системы персонажей, роль второстепенных героев;

5) исследовать функцию «свидетеля истории» – бесприходного попа Якова Кампинского, соотнести с авторской позицией.

Методологическая основа исследования. Роман М.А. Осоргина «Свидетель истории» рассматривается нами в историко-литературном аспекте (место романа в творчестве автора, история создания, отражение исторических реалий в романе). При анализе образов героев мы опираемся на принципы системно-структурного подхода к произведению, заложенным в трудах Н.Л. Лейдермана [19], Н.Д. Тмарченко [38], Е. Фарино [40]. Использовались элементы биографического метода (Л. Поликовская «Жизнь Михаила Осоргина. Строительство собственного храма» [34]). Мы использовали также работы ученых, посвященные творчеству М.А. Осоргина: Т. Марченко [23], О. Ласунского [18], Л. Поликовской [32,33], О. Авдеевой [1], Н. Барковской [5], Г. Лобановой [21].

Научная новизна исследования: впервые предпринят детальный анализ системы персонажей в романе, позволяющий скорректировать авторское отношение к идее революционного террора.

Практическая значимость исследования: материалы диссертации могут учитываться в общих курсах по истории русской литературы 20-го века; возможно использование при изучении творчества писателей эмигрантов, в частности, М. Осоргина, в школе.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, в котором определяются цель и задачи работы, характеризуется степень изученность творчества Осоргина и романа «Свидетель истории», и трех глав. Глава 1 посвящена основным вехам жизни писателя: ранние годы, начало творческого пути, эмиграция. Также в главе приведены основные труды Осоргина; имена исследователей, чьи работы посвящены жизни и творчеству Осоргина; взгляды Осоргина на проблему террора. Во второй главе

предприят анализ романа «Свидетель истории»: определяется его место в творчестве писателя, история создания романа. Также во второй главе предприят анализ персонажей романа (Наташи Калымовой, отца Якова, Оленя и т.д.): их характеры, изменения по ходу романа. В главе 3 мы намечаем те традиции русской классики, которые продолжил Осоргин в своем романе. Заключение подводит итог результатам предприятного исследования, формулирует авторскую позицию по вопросу оправданности и перспективности тактики террора.

Апробация исследования. По теме диссертации опубликована статья:

Образ эсеров-максималистов в романе М. Осоргина «Свидетель истории» / Соколов Д.Ю. // АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ [Электронный ресурс]: материалы международной научно- практической конференции Екатеринбург, 23 апреля 2020 г. Урал. гос. пед. ун-т. – Электрон. дан. – Екатеринбург : [б. и.], 2020 – Вып. 20 – 1.

Глава 1. М.А. Осоргин как свидетель истории

1.1 Основные вехи в жизни и творчестве писателя

Михаил Андреевич Осоргин (при рождении Ильин) известен больше в сегменте русского зарубежья, литературы эмиграции. На своей исторической родине он не так был известен широкой массе читателей. За последние десятки лет его имя звучит в основном в среде литературоведов. На сегодняшний день произведения Осоргина не столь уж популярны, но, как нам кажется, в дальнейшем число его читателей будет расти.

Осоргин родился в 7 октября 1878 г. в Перми, в «глубокой провинции, в деревянном доме», принадлежал к дворянской семье, однако придерживался демократических взглядов, под влиянием родителей. До последнего дня признавался в искренней любви к месту, в котором появился на свет. Детство для Осоргина было самой светлой, прекрасной порой в жизни. Эту любовь к родному краю подпитывала окружающая природа Урала. В своей книге мемуаров «Времена» Осоргин так описывал свое пребывание в этих краях: *«Мы, тутошние, рождались в простоте, ковшами пили воздух и никогда не считали себя ни царями, ни рабами природы, с которой жили в веками договоренной дружбе»* [25]. Находясь мимолетно или на постоянном месте проживания в странах Европы, Осоргин по-прежнему будет вспоминать свой чудный и до боли родной край, считать эти места самыми прекрасными в мире. В этих же мемуарах он пишет: *«Все, что мне позже открыли книги, что я принял из них и отверг, – все это было раньше вышито зеленой гладью на клубничном косогоре, роилось и жило под мхами, под древесной корой, в бесчисленных норках, прыгало по веткам, стояло звонкой песней над крестьянским полем...»* [25].

Всегда для Осоргина важным аспектом была личность. В семье Ильиных это занимало особое место, и для Осоргина это было очень важно. Интересный факт из жизни Осоргина, наглядно демонстрирующий его

решимость противостоять любому, кто попытается подчинить его волю себе: *«А в 8-ом классе – в ответ на приказание учителя немецкого встать в угол – [Осоргин] вызвал его на дуэль со словами «Убью, как таракана» [34].*

В конце 19-го и начале 20-го столетия страну захлестнула волна революционного террора. В детском возрасте на будущего писателя произвели впечатление побеги ссыльных, которых гнали по Сибирскому тракту, проходящему через деревню, с которой рядом жил Осоргин. Многие крестьяне помогали беглым, чем могли: едой, кровом. Эти события прочнее закрепили в голове юного Осоргина мысли о свободе, которой достоин любой человек, и никто не в праве лишить его этого. Будучи яростным противником царского режима, Осоргин не упустил возможности пополнить ряды революционеров. Но намного раньше началось его приобщение к террористической идее, еще в юном возрасте, после прочтения вместе с другом по гимназии брошюры, отобранной при обыске, по всей видимости, автором брошюры был член террористической организации. Таким было первое знакомство с идеями революции. Но сам Осоргин личного участия в революционной деятельности не принимал, был лишь «малой спицей в колеснице», его убеждения не позволяли вести подрывную деятельность. Осоргину были близки идеалы, за которые сражались эсеры. Но властям это не помешало предать его аресту и отправить в Таганскую тюрьму, из которой он вскоре был освобожден под залог.

Главными и громкими событиями начала 20-го века были и остаются две революции: февральская и октябрьская. Две эти революции меняли жизнь Осоргина в ту и в другую сторону. После февральской революции, прихода к власти буржуазии и создания Временного правительства, Осоргин, будучи в то время дипломированным юристом, трудился в комиссии по разборке архивов и политических дел в Москве, в архиве московского охранного отделения. Поддерживающий либеральные взгляды Осоргин принял Февральскую революцию. Он стал активно печататься в разных

издательствах и журналах («Голос минувшего», «Народный социалист», «Луч правды», «Родина», «Власть народа»).

Но вскоре Временное правительство было свергнуто большевистской партией во время Октябрьской революции. К власти пришли большевики. Осоргин не стал сторонником нового правительства. Со временем все свободные издательства закрываются, и у Осоргина не остается площадок для противоборства с помощью печатного слова.

После череды новых арестов Осоргина вместе с остальными представителями оппозиционной отечественной интеллигенции высылают из Советской России на «философском пароходе» за границу. Троцкий говорил о высылке так: *«Мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно»* [30]. Отсюда начинается путь Осоргина как эмигранта.

Жизнь в эмиграции не приносила особой радости писателю. Расстояния, отделяемые его от родины, нагоняли на Осоргина негативные мысли. В книге «Времена» свои переживания автор описывал так: *«К сожалению, не всякое растение легко выдерживает пересадку и прививается в чуждом климате и на чужой земле. Я почувствовал себя дома на берегах Камы и Волги, в Москве, в поездках по нашей огромной стране, на местах работы, в ссылках, даже в тюрьмах; вне России никогда не ощущал себя «дома», как бы ни свикался со страной, с народом, с языком. Это не патриотическая чувствительность, а природная неспособность к акклиматизации»* [25]. Заграничные страны были не менее радикальны в политическом плане, что отражалось на позиции Осоргина: активное отрицание любых политических правил, усиленное отстаивания свободы личности. В повседневности Осоргин всегда отрицал коллективизм, как главную угрозу для духовности и свободы человека, хотя и получил прозвище *«большевизана»*. Но, не смотря на это, Осоргин активно занимался творческой деятельностью: продолжал публиковать публицистические

статьи в разных изданиях («Дни», «Последние новости», «Современные записки» и др.) и художественные произведения.

Еще с 1914 года Осоргин является масоном. Был посвящен по рекомендации Крамальникова в ложе «Senti Settembre» Великой ложи Италии. На протяжении многих лет принимал активное участие в деятельности нескольких лож, под предводительством Великого востока Франции, являющийся либеральной масонской организацией Франции. Достиг больших высот на этом поприще, дослужившись до самой высокой должности – досточтимый мастер. Один из основателей лож «Северная звезда» и «Свободная Россия»; входил в их состав. За все время пребывания в ложе заработал огромное уважение «братьев», внес большой вклад в развитие идей русского масонства во Франции. В своей книге «Вольный каменщик» Осоргин с предельной точностью отразил работу масонской ложи, благодаря своим глубоким познаниям масонства, его организации, учений, особенностей и традиций.

Свои последние дни Осоргин проводил в Шабри, куда он вместе с семьей переселился во время Второй мировой войны, когда нацисты оккупировали Францию, там же писатель скончался и похоронен. В это время он напишет «В тихом местечке Франции» (1940) и «Письма о незначительном» (1952). Осоргин – едкий и острый публицист, талантливый прозаик и, главное, верный сын отечества. Ни расстояния, ни революция, ни политический режим не смогли погасить в нем любовь к родине: лесу, реке, родному краю и людям, что населяют эти места. В своих произведениях Осоргин старался отображать переживания, мысли той эпохи, в которой существовал сам. В романе Осоргина «Свидетель истории» один из персонажей говорит: *«Все проходит – остаются книги. В книгах строчка за строкой нанизано то, что было, и то, чего быть не могло. За тысячу человек думает один, и с его пера стекает на бумагу недалняя мудрость и ненарочная выдумка. Будто бы вот в эти годы, вот этой мыслью жили в России все люди или уж, в крайнем случае, – все лучшие»* [27, с. 11]. В своих

книгах Осоргин старался запечатлеть те недостижимые страницы истории, создать картину эпохи.

1.2 Произведения Осоргина

Точкой отсчета писательской деятельности Осоргина можно назвать годы в гимназии. В газете «Пермские губернские ведомости» в 1895 г. Осоргин публикует некролог «На могиле воспитателя. Несколько слов по поводу смерти Ю.Х. Хинке». Уже на следующий год, под псевдонимом М. Пермяк [32], он публикует рассказ «Отец» в пятом петербургском «Журнале для всех».

Осоргину после поражения первой русской революции приходилось проводить время в вынужденной эмиграции в Италии. За время, проведенное в Италии, из-под пера писателя вышла книга «Очерки современной Италии» (1913).

В годы Второй мировой войны Осоргин активно вел корреспонденцию, в которой освещал события и высказывал свое мнение. Корреспонденция публиковалась в «Новом русском слове» (1940-1942), под общим названием «Письма из Франции» и «Письма о незначительном». В 1940-х годах у писателя наблюдается нарастающий пессимизм. Вероятно, сказывалась сложившаяся обстановка в стране на фоне войны, то, как скатывается и зарывается в грязь мир. Данный настрой прослеживается в книге «В тихом местечке Франции», вышедшей во Франции в 1942 г. В своих поздних текстах, как пишет Antoni Bortnowski, «Осоргин выражал боль и гнев, наблюдая безысходное положение мира, в которое привела его история к середине XX в.» [46]. Осоргин наблюдал вживую, как все его жизненные ценности гибнут.

Страстный любитель и большой ценитель литературы, он активно поддерживал молодых авторов русского зарубежья. Осоргин высоко оценил талант начинающих писателей В. Сирина (широко известен как Набоков) и Г.

Газданова. В наше время имена этих литераторов имеют большое значение для литературы 20-го века. Таким образом, это характеризует Осоргина как человека, для которого не существует идеологических преград. Прежде всего, писатель оценивал величину таланта человека, а не его политические пристрастия.

В произведениях Осоргина одной из ключевых тем является Россия, ее судьба, но и, разумеется, жизнь людей. Писательские навыки в полной мере Осоргин смог проявить в эмиграции, на которую пришлась большая часть его жизни. Историю России автор осмысливает в романах «Сивцев Вражек» (1928), «Свидетель истории» (1932), «Книга о концах» (1935); «Вещи человека» (1929), «Чудо на озере» (1931) – это размышления Осоргина о жизни и судьбе человека. Формирование личности на фоне нелегкой судьбы родной страны автор раскрывает в автобиографической книге «Времена».

Зарекомендовал себя Осоргин, как крупный писатель в 1925 г. с выходом первых глав одного из своих популярных романов – «Сивцев Вражек», в котором писатель показал столкновения истории и естественного хода человеческой жизни. По мнению Ирины Боравской, *«М. Осоргин создал выразительную картину трагического разлома России, когда все противоречия гротескно усилились и переплелись с новоявленными уродливыми следствиями произошедшей катастрофы»* [10]. Роман имел огромный успех не только во Франции, но и за пределами. Как писал о романе Георгий Адамович, роман *«задевает сознание», и на него хочется ответить. Это первое, непосредственное впечатление от чтения»* [2].

После «Сивцева Вражка» последовал сборник новелл, очерков и зарисовок «Там, где был счастлив» (1928) и «Вещи человека» (1929).

Большой любитель книг, Осоргин в свое время занимался самостоятельным книгопечатанием и владел небольшой книжной лавкой. Свою безграничную любовь к чтению писатель отразил в очерках «Записки старого книгоеда», в которых представил богатейшую коллекцию русских изданий.

Бытовая, повседневная жизнь, которая стала основой истории, была показана Осоргиным в серии «Старинных рассказов», где, не смотря на неприязнь писателя к царской власти, он рассказывает, что цари были, в первую очередь, людьми, а помимо царей, историю делали и простые люди.

В написанной 1930-м году «Повести о сестре» Осоргин не включает в повествование политику и создает в повести портрет женщины на рубеже веков. В этой повести писатель показал, что драматизм находится вне времени, что он касается настоящего и прошлого.

Тоску по родной стране, родному краю, в котором вырос, это щемящее чувство он выражает в сборнике «Чудо на озере» (1931). В одном из первых рассказов, в эссе «Земля», писатель восхищается родной природой.

В этом сборнике преобладает мысль о связи человека с природой, которую невозможно разорвать, об окружающем человека мире, который надежней, чем человеческая память.

История страны очень сильно волновала и интересовала Осоргина, и в своих произведениях он старался изобразить ее с автобиографической точностью, не нарушая ее течение. В романе «Свидетель истории» про деятельность членов партии социалистов-революционеров в период революции 1905г. и в «Книга о концах», являющейся продолжением романа «Свидетель истории», Осоргин коснулся переломных моментов в истории России.

Значительную часть жизни Осоргин посвятил служению масонству. В повести «Вольный каменщик» Осоргин использовал свой опыт участия в эмигрантских масонских организациях. Закончив повесть, Осоргин возвращается к автобиографичности, пишет одно из лучших своих произведений – «Времена». Ольга Авдеева назвала «Времена» лучшей книгой Осоргина и одной из вершин русской мемуарной прозы [1]. Олег Ласунский писал о книге: *«Ее с полным правом следует отнести к самым замечательным образцам отечественной мемуаристики»* [18]. Марк

Алданов называл произведение «превосходным» и хотел «цитировать из него целые страницы» [3].

На протяжении всего творчества у Осоргина прослеживается страстная любовь к природе, восхищение ее гармонией. Особенно заметно в произведении «Происшествия зеленого мира», где Осоргин выражает протест против технологической цивилизации.

Во время оккупации Франции автор работал над книгой «В тихом местечке Франции» (1946). В «Письмах о незначительном» (1952) были собраны очерки-корреспонденции, которые еще при жизни писатель отсылал в американскую газету «Новое русское слово». В них он изложил свои внутренние переживания, выразил свое сочувствие и понимание французам, от лица эмигранта, показав, что они стали заложниками в своей же стране; в книге присутствует крик отчаяния при виде войны, которая уродует душу человека и унижает достоинство личности.

1.3 Мнения исследователей о творчестве Осоргина

Во введении был приведен перечень исследователей, раскрывающих с той или иной стороны творчество М. Осоргина. Здесь мы рассматриваем более подробно те работы, в которых исследователи показывают свой взгляд на творчество Осоргина.

Одна из первых крупных научных работ – англоязычная диссертация Д. Фини М.А. «Osorgin – The Last Mogican of the Russian Intelligentsia», 1976 (перевод - М.А. Осоргин – Последний из Могикан российской интеллигенции) [41], которая стала завершением и итогом американского этапа изучения творчества Осоргина, начавшегося в 1952 г. изданием в Соединенных Штатах «Писем о незначительном» с предисловием Марка Алданова. В этой работе Фини освещает эволюцию мировоззрения выдающегося представителя русской интеллигенции, проблематику и художественные особенности его произведений. Получив полный доступ к информации по творчеству писателя, Фини стал одним из тех, кому

удавалось это, тогда когда подобным разрешением имел право воспользоваться только довольно узкий круг людей, в который также входили исследователи Олег Ласунский и Ольга Авдеева.

Галина Лобанова своей работе «"Маленький человек" в вихре истории: опыт анализа романов М. Осоргина 1920–1930 гг.» разделяет историю изучения творчества Михаила Осоргина на три периода: французский (1922–1942), американский (1952–1973) и российский (с 1988 г).

О.Г. Ласунский в статье «Михаил Осоргин: структура, качество и эволюция таланта» отмечает принципиальную непохожесть Осоргина на других авторов русского зарубежья. Ласунский писал, что преимущественно дар Осоргина изобразительный, картинный; он не строит сюжет на разнообразных нестандартных приемах; не идет на закручивание интриги, полагая, что это прямой путь к презируемой им литературщине.

Освещалось также отношение Осоргина к событиям 1917-го года. В сборнике «Михаил Осоргин: страницы из жизни и творчества» говорится, что во время написания произведения «Сивцев Вражек» *«Проза писателя обретает новые признаки: наряду с интимно-психологическими, возникают и позднее становятся главенствующими гражданские мотивы, определяются эстетика, ориентированная на традиции толстовской романистики, окончательно складывается характерный для Осоргина сплав лиризма и иронии, побеждающий, в конечном счете, скепсис»* [42]. В этом романе он декларирует свое убеждение не примыкать ни к какой партии или иной партийной ячейке, в угоду их соображениям.

В статье «На перекрестке традиций ("Сивцев Вражек" М. Осоргина и традиции русской классики)» С.Я. Фрадкина говорит: *«реальным основанием для постановки вопроса о литературной традиции являются не те или иные (содержательные или структурные) элементы сходства, а однотипность предметов художественного пересоздания и определяемое ею родство художественных структур»* [43]. Осоргин умело сплетал художественное и

историческое в единую систему, что порождало уникальный мир в его романах. Он находил некий баланс между выдумкой и реальностью.

Как уже было сказано, тема провинции занимала у Осоргина особое место в творчестве. Р.К. Комина в статье «Чеховская Россия в произведениях Осоргина» [16] пишет, что особое место в творчестве как Осоргина, так и Чехова, занимает обобщающий образ-понятие «провинция», с ее характерностью, открытостью сложным историческим и философским мотивам.

1.4 Взгляды М.А. Осоргина на проблему революционного террора (рассказ «Террорист»)

Прежде всего, стоит уточнить, что за все время, будучи членом эсеровской организации, М. Осоргин не только не участвовал ни в каких террористических актах, но и не знал о планах, которые задумывали террористы, не был приближенным к руководителям эсеровской партии, а всего лишь, как пишет Поликовская Л.В., «...был в ее колеснице спицей самой маленькой» [34]. В его конспиративной квартире проводились собрания, хранились типографские шрифты, оружие и тому прочее, а сам М. Осоргин выступал в роли редактора и составителя воззваний («Сорок лет прошло с тех пор, как даровали крестьянам волю, – и что же мы видим?.. Самодержавные палачи... Но уже близок час... Долой насильников!») [34].

Вступление в партию социалистов-революционеров обосновано тем, что Осоргина привлекла идея, которую проповедовали члены этой партии – установление демократической республики с неотъемлемыми правами человека, свобода совести, слова, печати, собраний, союзов, стачек, неприкосновенность личности и жилища, всеобщее и равное избирательное право для всякого гражданина с 20 лет, без различия пола, религии и национальности, при условии прямой системы выборов и закрытой подачи голосов. Для реализации этих требований эсеры избрали радикальный способ - террор. М. Осоргин не разделял этой позиции, т.к. для писателя-гуманиста

мысль о лишении жизни человека была неприемлемой. Жизнь простого человека – вдвойне ценна, в нем, человеке простом, провинциальном, живут истинные корни, от него прорастают вверх плоды. В книге «Происшествия зеленого мира» Осоргин говорит: *«Луковица есть обывательский «корень», общедоступное и жирное подобие сущности. Она наглядна, ясна, прозаична, вульгарна. Она — безошибочное благополучие. Ниточки, которые от нее уходят в землю, — подлинные корешки, истинные факторы луковой культуры, — кажутся ненужным и неважным придатком. Она кругла, бела внутри, определенно благонадежна и буржуазна. Она — накопление, завершенность, — за счет невзрачных рабочих корешков и к ущербу поэтического оперения»* [26]. Здесь видно, насколько зависимо буржуазное общество от низов, от «корней», что их питает, насколько беззащитно и несовершенно это общество – их поддерживают те, что зарыты в земле, грязные и невзрачные.

Позднее, будучи в масонской ложе, Осоргин скажет: *«С любой стороны брошенный снаряд может нести с собой правду и неправду, зло и добро, смотря по тому, чья рука и какое чувство его бросили... мы (масоны) отвергая насилие, проповедуя высокую терпимость и человечность, не знаем ни абсолютной истины, ни абсолютной нравственности, и каждый акт человеческой воли, в том числе убийство, считаем себя обязанными взвесить и оценить весами нашей совести и нашего чувства»* [34]. Гуманист и пацифист, Осоргин не искал выхода в насилии и убийстве, и он видел это и в тех людях, которых встречал. Например, Владимир Мазурин – реальный участник революционного движения и один из создателей и лидеров Союза эсеров-максималистов, описывался как человек «с открытой душой», юноша «очень жизнерадостен, нежен, добр и незлобив», мечтает о том, когда же наступит наконец свобода, террор станет не нужным и он сможет работать народным учителем. Но пока он расстреливает в упор связанных людей – жандармов-шпикиов. Дабы не выдали собравшихся на конспиративный митинг [34]. Такими и были революционеры в душе - целеустремленные,

смелые, немного наивные люди (именно рядовые участники организации) шли за светлой идеей через убийства и подрывы, не видя иного выбора. В русской литературе образ террориста не является новым. Как пишет Фролова: *«В течение XIX-XX веков в литературе наблюдается эволюция данного образа: нигилист – революционер – террорист. Образ террориста включает в себя типологические черты как нигилиста, так и революционера»* [44]. Отрицание неудобно политического строя – один из главных стимулов для будущих террористов того времени. В. С. Соловьёв, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский не считали революционеров преступниками, т.к. *«герои представляли людьми, защищающимися от зла, которое сносило общество»*. Как и в литературе XIX-XX веков, в произведениях начала XX века, в частности М. Осоргина, продолжается героизация образа террориста-революционера. Однако в рассказе Осоргина «Террорист» [29] намного ярче раскрывается истинное отношение автора к терроризму, к насилию, которое он несет. Главный герой рассказа Павел Тихонович – молодой студент, собирающийся встать на путь террора. Он молод, красив и смел. Он убежден, что свободу для рабочих и крестьян возможно обрести только благодаря террору. *«Павел Тихонович был студентом и исповедовал эсеровские убеждения. Это значило, что земля, по мнению крестьян, Божья, ничья, что община может развиваться по Качоровскому, личность играет немалую роль в истории, а благо трудящихся (крестьян, рабочих и трудовой интеллигенции) требует применения террора»* [29]).

Но из-за своей мягкости характера герой не обладал достаточной твердостью руки. Для оттачивания навыков стрельбы он выбрал молодую березку, и осознавая, какой вред он причиняет дереву, таким образом, воспитывал в себе жестокость и выдержку. Катализатором для развития событий послужил старый деревенский петух, которого Павлу, по жребию, предстояло зарубить, но все сложилось неудачно: *«И вот Павел Тихонович взял топор и пошел закалять в себе решимость, безжалостность и волю к действию. В этот день он был бледен, и глаза его горели лихорадочным*

огнем; думаю, что последнюю ночь он плохо спал от понятного волнения; но слово было дано, и предстояло его исполнить <...> Должен сказать, что это было очень страшно. Всего страшнее было лицо Павла Тихоновича, словно это он был обречен на смерть» [29]. Набравшийся решимости Павел ринулся за петухом с револьвером, чтобы закончить начатое, что ему и удалось. Но данное потрясение не прошло бесследно – пытаясь попробовать на вкус свой трофей, он начал биться в припадках, хвататься за голову «Я думаю, однако, что он только лежал, а спать не мог. Лишь под утро меня разбудил его бред за тонкой стеной. Он и обычно по ночам разговаривал, но на этот раз вскрикивал поистине мучительно; очевидно, сильно ему расстроила нервы история с петухом <...> Павел Тихонович несколько раз возвращался домой, но с нами не разговаривал и не обедал, – проходил мимо с опущенными глазами и совершенно больным видом» [29].

Этот рассказ показывает, что, сколько бы эти люди не воспитывали в себе хладнокровие, выдержку, жестокость, им невозможно побороть в себе врожденные чувства сострадания, отвращения к убийству.

Глава 2. Трагедия утраченной жизни в романе М.А. Осоргина «Свидетель истории»

2.1 Место романа "Свидетель истории" в творчестве М. Осоргина

Для будущего романа «Свидетель истории» (изданный в Париже в 1932 г.) Осоргин попросил сотрудника Пражского архива С.П. Постникова снять для него копии дневника Натальи Климовой, которая впоследствии станет прототипом главного персонажа этой истории – Натальи Калымовой; ее письма к Борису Савинкову, без купюр, сделанными при публикации ее письма «Письма перед казнью». Также Екатерина Ильина из Дорнаха присылает Осоргину хранящиеся у нее письма Климовой к эсеру Лигскому. В целом у Осоргина шла обычная подготовительная работа, необходимая для написания исторического романа. Но прописывать каждую мелочь до документальной точности Осоргин не пытался, считал, что «такая роль не достойна художника» [34]. Не смотря на это, в романе многие сцены прописаны с документальной точностью, т.к. автор был лично знаком с большинством участников событий. Прототипы многих персонажей легко угадываются. Через персонажей «Свидетеля истории», в частности через Наташу Калымову и отца Якова, Осоргин транслирует свои размышления о судьбе страны, которую до конца любил, о террористах, в которых видел больше, чем простых головорезов. В работе Е. Фарина «Введение в литературоведение» говорится, что *«Выбор персонажей, их конфигурации, созданные для них судьбы и обстоятельства — все это материал, при помощи которого литература ставит вопросы о человеческом бытии, создает одни концепции человека и противостоит другим»* [40].

В предисловии к роману Осоргин предупреждает читателя, что *«...в этом романе только одно действующее лицо может считаться портретом»* [27, с. 3], несомненно, речь идет о героине Натальи Калымовой. Осоргин создает образ мира, в котором существует героиня Наташа

Калымова, передавая ее мысли, оценки и желания. Несмотря на то, что этот роман частично является историческим, в первую очередь он художественный, и становится им за счет созданных в нем героев. Как говорит Н.Д. Тмарченко в «Теории литературы»: *«Этот мир — “художественный” постольку, поскольку является миром героя, а не нашим миром <...> автор и читатель используют свою внешнюю точку зрения и свой избыток видения... для эстетической оценки героя, его целей и ценностей его мира, т.е. оценки их из иной действительности»* [38]. Об образе мира в художественном произведении, о том, для чего автор создает определенные условия своим персонажам, говорится в «Теории жанра» Н.Л. Лейдермана: *«Создавая произведение искусства, вымышляя конкретные коллизии, события, описания, характеры, переживания и поступки, подлинный художник менее всего рвется разрешить некую социальную или нравственную проблему и тем более не старается сформулировать какую-то идею. Он стремится освоить, постигнуть, раскрыть определенную эстетическую концепцию действительности (человеческого мира)»* [19].

О сложном переплетении истории и вымысла предупреждает Осоргин в начале повествования (*«Возможно, что я делаю ошибку, укладывая вымысел в рамки исторических фактов»* [27, с. 3]). Вписывая вымышленных персонажей в существующую действительность, Осоргин, в первую очередь, выражает свои идеи, создает определенную эстетику.

Роман полон намеренных убийств, крови, даже начинается действие книги со случайного убийства щенка. Данная смерть заставляет задуматься героиню, что смерть – одно из неустранимых явлений жизни; никто не знает, когда наступит конец, в какое время, в каком месте. Следы этой темы прослеживаются во всем романе. Героиня слушает лекции, доклады, споры, пытаясь найти простые и ясные вопросы о жизни и смерти, о разуме и вере.

Особое место в романе занимает письмо Калымовой, которое она написала перед казнью, где она говорила о смерти, о свободе и т.д. Это письмо обошло всю Европу, им восхищались, высоко ценили философы, но –

кроме Осоргина. По его мнению, это письмо написано слишком красиво; что это письмо, скорее, написано некой прекрасной героиней, которую она себе придумала. И снова здесь появляется тема смерти – человека, духа, веры.

В конце романа Калымова, разуверившись в идеалах эсеров, проникается идеями буддизма: *«Где нет ничего, где не существует никакой привязанности – там это единственное прибежище, – Нирваной называю я его. И кто достиг его – тот не знает никаких страданий»* [27, с. 184]. Словами Будды и заканчивается роман, что говорит нам, что Наталья нашла ответ на свой ранее заданный вопрос о смерти, жизни и судьбе. У нас возникает уверенность, что Наталья никогда не вернется к революционной деятельности.

2.2 Наташа Калымова: путь в истории

Остановимся подробнее на каждом персонаже. В первую очередь, на двух ключевых героях, от лица которых идет повествование в романе – Наташа Калымова и Яков Кампинский. В работе А.В. Желудиной «Путь Наташи Калымовой в романе М. Осоргина “Свидетель истории”» говорится о том, что «автор (М. Осоргин) изображает путь пассивного (Яков Кампинский) и активного (Наташа Калымова) деятелей истории» [14]. Основу хронотопа романа составляет пространственное перемещение этих персонажей.

В своих убеждениях Осоргин сторонился любого насилия над человеком, ограничения его свобод. Но в тоже время многие критики, такие как: М. Цетлин, Г. Адамович упрекали Осоргина в однобоком, необъективном изображении революционеров, за излишнюю идеализацию революционеров.

Как говорилось ранее, автор изображает разные пути героев: Наташи Калымовой – путь террора, насилия, и отца Якова – скромного, безучастного «наблюдателя», которому все всегда «лю-бо-пыт-но».

Путь Наташи Калымовой можно условно разделить на несколько этапов – от момента несчастного случая со щенком Мушкой, когда зарождалась ее философия жизни, до момента ухода от террора.

Первый, начальный, этап – формирование ее характера, мировоззрения.

В жизни Наташи Калымовой особое место занимает дом, в котором она выросла, деревня Федоровка, в которой она росла и крепла (*«Как хорош мир, если смотреть на него не из окна городского дома, не на мостовую с лошадиным пометом, - а стоя посреди лужайки или на берегу реки! Хорош и полон чудес <...> И будто бы простой – а сам не простой, не раскрывающий всякому свою мудрость»* [27, с. 11]). Дом играет роль защиты от внешних угроз, от разрушительного влияния социума. Несмотря на это, в уютном мире дома происходит драматическое событие, заставившее девочку задуматься о хрупкости жизни: смерть собачки Мушки под огромным сапогом пьяного кучера Пахома.

Смерть Мушки порождает в сознании Наташи ряд экзистенциальных вопросов: *«Утешали ее напрасно, – можно утешить в любом горе, а тут страшное открытие и загадка не по силам. Открытие – смерть, а загадка – за что? Если можно убить Мушку – то, значит, можно все! Теперь ничему нельзя верить, ни участливым словам, ни добрым улыбкам!»*; *«Души у щенка не может быть, у него заместо души пар – а все же загублена малая жизнь, это Пахом чувствовал* [27, с. 4]. Так впервые обнаружилась легкость убийства и обреченность всего живого на смерть.

Обстановка провинциальной, деревенской жизни формирует характер героини. Она растет сильной физически и духовно: *«Наташино детство прошло между городом и деревней. В гимназические годы – она училась в Рязани – много читала, но умела и петь, и плясать, как настоящая деревенская: отбивала каблуками частую дробь, держа плечи на уровне, и пела частушки»*; *«Любила весной кататься по Оке в молодой компании, с песнями, с брызгами, с ахами, с привалом на том берегу, при кострах. А*

когда уезжала с семьей на лето в деревню,- не скучала и одна и ловко управляла плоскодонной лодкой» [27, с. 6].

Происхождение героини показывает духовную стойкость, физическую выносливость, способность любить и созерцать окружающий их мир, ценить жизнь: *«Рязанцы – народ прочный и основательный. Как про всех – и про них сложены сказки и прибаутки. Рязанцы "солнышко мешком ловили" и "острог конопатили блинами"» [27, с. 5].*

«Юмор у рязанцев тяжелый, сытный, былинный, а сами они крепки, коренасты, женщины дородны и румяны, дети смелы и озорны. Которые живут во глубине страны – мечтатели, а приречные – большие любят созерцать» [27, с. 5].

Будучи сам родом из провинции, автор изображает Наташу Калымову в традициях народной культуры, наделяет ее чертами рязанской девушки (*«Она рослая, здоровая, голубоглазая...» [27, с. 10]*) и, соответственно, характером (*«Рязанские девушки полногруды и солидны: глаз не закатывают и на шею не бросаются. Но со скучными и расчетливыми людьми им тошнехонько, и долго стоять на месте они не могут и не хотят. Людей определяют на глаз и делят на настоящих никчемных; с последними не по дороге» [27, с. 10]*).

Обладая завидным бесстрашием, пытаясь соответствовать образу героических предков, она способна без страха противостоять и вступать в поединок с соперником, превышающим ее по силе (*«Пароход идет снизу, лоцман видит лодку, а в лодке как будто никого и нет. Уже совсем вблизи он тянет за рукоятку, и по реке пробегает густой гудок. Наташа приподымается, не спеша садится за весла, смотрит, в какую сторону удобней отплыть, – и два взмаха нехотя уступает дорогу... Как на качелях – и жутко, и радостно»<...> «С парохода смотрят: "Ну и смелая девка! Вот перевернет волной - наплаваешься"» [27, с. 7]*). Отчасти на бесстрашие героини влияет ее философия жизни. Поняв для себя, что смерти нет, она с легкостью, но без беспечности, смотрит на опасность. В этом она видит

вызов себе со стороны самой жизни, через риск она укрепляет свою решимость, стойкость – самые важные черты любого революционера.

Естественная, первозданная, девственная природа, в которой провела свое детство героиня, позволила ей найти ответы на вопросы, которые возникли у нее в раннем возрасте; наблюдение за природными процессами, позволяет понять ей мир в целом, и в частности себя как часть мира (*«Все предметы природы, значит, и камень, и трава, и стрекоза, и солнечный свет, и сама она, Наташа, – все это реально лишь как воплощение божества, как застывшее величие неизъяснимой воли, вне нас стоящей. Умом этого не понять, а чувство радо слить в одно целое весь этот трепет мира, и даже безо всяких умствующих ссылок на математику»* [27, с. 12]). Такие простые понятия более приемлемы для Наташи – ей нужны простые ответы на вопросы о жизни и смерти. Познавая философию Зенона на берегу, попеременно читая и окунаясь в воды реки Оки, она понимает, что многое можно понять через переживание, чувства; не всегда в словах можно отыскать истину (*«Имя реке Ока. Зенону незнакомое, а для Наташи такое свое, что можно отдать за него всю душу – и то мало. И, однако, она хмурит брови, опять смотрит на страницу книги и старается понять, как же это так, что движение – только иллюзия? <...> Просто я – в стрекозе, и стрекоза во мне, а голос кукушки – мой голос, и во мне прохлада окских вод»* [27, с. 12]). Так складывается ее стихийный пантеизм.

Пространство деревни формирует и питает бойкую, стихийную, настойчивую и упрямую натуру будущей революционерки Наташи Калымовой (*«Пока – крепло тело на парном молоке, а душа питалась здоровой рязанской природой: столько-то лесной смолы, столько-то речного простора, без счета солнца – и воздух полными легкими до дна!»* [27, с. 8]). Следовательно, автор наглядно показывает истоки формирования силы натуры Наташи Калымовой, через народную, естественную «силушку».

Переезд Наташи в Москву и последующая революционная деятельность – следующая часть пути героини. Перемещаясь из пространства

тихого провинциального городка в большой, до поры незнакомый ей город. Она оторвана от привычного деревенского быта. Перемещение определяется хронотопом дороги. По Бахтину М.М., на дороге *«могут случайно встретиться те, кто нормально разъединен социальной иерархией и пространственной далью, здесь могут возникнуть любые контрасты, столкнуться и переплестись различные судьбы»* [6] – это является ярким примером концепция человека на фоне времени и пространства, присутствующей в произведении Осоргина, да и во многих других сочинениях. Переплетаясь с путями других персонажей, Наташа перестраивает свое мировоззрение в дальнейшем. Дорога выступает в роли метафоры течения времени.

Пространство Москвы, которое стало для нее местом знакомства с новой философией – теорией Ницше, которую она пыталась постичь на берегу реки, соблазняяще завывавшая девушку искупаться в ее водах, провоцирует ее на совершение действий, где она в полной мере сможет проявить все свои умения, показать ту «силушку», которую она накапливала в тихом, неспешном, умиротворенном пространстве деревни Федоровка.

Происходящие в то время события (восстание на Красной Пресне 1905 г.) вынуждает ее стать участником, окунуться с головой в деятельность революционеров. Но что влечет героиню? Что заставляет ее следовать идее, которую пытаются донести революционеры? *(«Опять будут речи о страждущем народе и деспотизме самодержавной власти. Потом о соотношении личности и общества, о путях эволюции и революции, о методах борьбы и, главное, тактике. И еще об общественном долге и личном самопожертвовании. Долг - вздор, а отдать свою жизнь так, как хочется,- разве это жертва? Это и значит - выиграть свою жизнь! И все-таки интересно, любила ли Перовская Желябова? Какую роль в ее жизни сыграла эта любовь?»* [27, с. 14]). Автор объясняет эту увлеченность не только влиянием окружающей среды, но и бурлящей молодостью; душевным порывом, которым подвержена героиня. Но стоит отметить и нарастающую

«моду» на революцию – порывы, вдохновленные идеалистическими и, в какой-то мере, романтическими идеями о светлом, новом будущем.

Но объективная реальность, которую наблюдала Наташа, вносила коррективы и делала порывы революционеров в некоторой степени «абсурдными» (*«Опять темными закоулками, сами плохо соображая дорогу, они пробрались через “кольцо войск”, которого не было»* [27, с. 22]). Но, не смотря на это, ее увлекал тот героизм, с которым они шли в бой, невзирая на малочисленность, против, на тот момент, сильной, почти несокрушимой, массивной государственной машины:

(«– Ты знаешь, что делается на Пресне?

– Стреляют?

– Пресня горит! Ее подожгли снарядами. Наши там едва держатся.

Наши – приобщало Наташу к партиям восстания.

<...>

– Пока еще наши держатся и на Большой, и на Средней Пресне; только оружия у нас мало.

Опять – наши! Девушкам они рисовались молодыми великанами, грудью защищающими Пресню от натиска огромных солдатских масс. Если бы пробраться туда и хотя бы подавать им заряженные ружья!» [27, с. 20]).

Одной из причин увлечения Наташи революционными идеями послужило чувство восхищения одним из революционеров – руководителем группы эсеров Оленем, за которым она следует, увидев в нем нового, современного героя, о котором писал Ф. Ницше, называя его «белокурый зверь», но видя в нем героя лично для нее. Связано это с тем, что Наташа пыталась углубиться в философию Ницше, пребывая в это время в родной деревне.

На этом отрезке нелегкого пути Наташа проникается идеей революционной борьбы и определяет свою позицию как «деятеля истории»,

способного открыть новые страницы истории и вписать туда свое имя и имена всех, кто отдавал свою энергию, молодость и жизнь в целом.

Дальнейшие события переносятся в Петербург – следующий отрезок пути героини. На данном отрезке жизненного пути Наташа проявляет себя как активный участник и деятель истории. Пребывание героев в Петербурге приводит к цепочке громких и трагических событий: взрыв дома министра и на Аптекарском мосту. Наряду с представителями власти под удар революционеров попадают люди, не имеющие никакого отношения к власти, правительству («...перепуганные лица, окрики извозчиков, звонки велосипедистов...» [27, с. 79]). Этим автор показывает изнанку революционной деятельности эсеров, ее разрушительный характер.

Революционная деятельность отражается и на Наташе. Напряженная и опасная подпольная деятельность заставляет героиню отречься от личной жизни, пожертвовать ради народного блага своим правом на личное счастье, любить и быть любимой.

На этом отрезке жизненного пути Наташе и ее соратнику и возлюбленному Оленю приходится играть роли, им несвойственные – роскошная жизнь, дорогие вещи, посещение культурных мест – все это для них непривычно и неестественно, хотя и необходимо для конспирации («Олень с уважением посмотрел на Наташу: "Какой она молодец, как славно себя держит! Как у нее хорошо вышло: "Напомни, мне, Анатолий..."

<...>

– Кажется – все ладно?

– Вы удивительны, Наташа. Такая образцовая хозяйка!

– Только не "Наташа" и не "вы".

– Да, правда. Ты, Вера, совсем молодец.

– Нет, я не молодец. Я все никак не могу по-настоящему войти в роль; я, например, забыла, что для супа нужны корни» [27, с. 32]).

Но постепенное погружение в роли, принятие окружающего пространства, позволяет героям быть более искренними. Даже квартира, в

которой обитают герои, разыгрывая представление для окружающих, в какой-то момент становится для них домом. Любой вошедший извне становится хорошим другом и светлым, благородным человеком, не смотря на то, что является врагом государства и угрозой для действующей власти. Нет революционеров Наташи и Олень, есть господа Шляпкины, а гости всего лишь их приятели, а не товарищи по опасной революционной деятельности.

Сменяя пространство, герои меняют и свои роли – с благородных господ на террористов. Покидая конспиративную квартиру, они разрушают ореол благополучной семьи и жертвуют своим личным счастьем (*«И Наташа думает: "Вот если бы в деревне, на берегу Оки, в сытном духе зреющей ржи или в теплую ночь, – а этот дождь и тревожное ожидание были бы только сном. Встряхнуть головой – и все бы исчезло. И если бы там был со мной Олень, круторогий и сильный..." Тогда – это была бы, вероятно, настоящая любовь»* [27, с. 41]). На фоне разбушевавшихся чувств происходит, как пишет Жлюдина А.В., *«эволюция их сознания»*, но также у героев *«...обнаруживается неспособность утвердить, свои личные ценности»* [14]. Жизнь революционера яркая, полна опасности, опутанная таинственным флером. Жизнь, сопряженная с постоянным риском, отбрасывает в сторону личные чувства героев. В этой обстановке нет любимого человека Алексея для Наташи – заботливый, нежный, чувственный, есть только Олень – верный соратник, непререкаемый, настоящий лидер. Конспиративная квартира, в которой обитают герои, это тюремная камера для искренних чувств героев; одежда, несвойственная для них – тюремная роба. Все окружение квартиры – театральная сцена, на которой актеры Наташа, Олень и другие террористы, зрители – домработница, полиция и весь Петербург, наблюдают этот спектакль. Но за кулисами, в той же квартире, герои находят возможность показать друг другу свои истинные лица, как это могло бы быть дома, в деревне, где настоящую любовь не нужно скрывать.

Общественное превыше личного – так можно охарактеризовать позицию героини. Принося себя в жертву и будучи виновницей смертей нескольких человек, в числе которых оказались дети (при взрыве дома Столыпина пострадали двое детей), нормальная, мирная жизнь становилось иллюзией, мифом. Как пишет Л. Поликовская в биографии М. Осоргина: *«Потому что уже не может быть мирной жизни – они опутаны смертью и смертями. И все кончится только, когда на шею будет накинута намыленная веревка. И это будет радостью и облегчением»* [34, с. 325]. Путь в Петербурге оканчивается для персонажей по-разному: Оленя ловят и приговаривают к смерти, Наташа тоже находится на волоске от смерти, но в итоге приговорена к бессрочной каторге.

Следующая часть менее масштабна, но не менее важна для развития персонажа. Наташа оказывается в тюрьме. В ожидании приговора она пишет очень проникновенное «Письмо перед казнью», которое было написано реальной Натальей Климовой, послужившей прототипом для Наташи Калымовой. Это письмо было высоко оценено, но не Осоргиным. По мнению Осоргина, *«письмо было написано не Наташей, а некой прекрасной героиней, которую она себе придумала...»* [34, с. 328]. Скованный тюремными стенами, суровыми законами, выживающий в этой «модели» государства – сковывающего, запрещающего – внутренний, героический дух Наташи продолжает борьбу. Она продолжает развиваться духовно (*«Курсистка Вера Уланова выписала учебники и занимается высшей математикой, чтобы "не потерять времени" <...> Маруся Донецкая, сообщница убийства военного прокурора, и Наташа, изучают итальянский язык, который, конечно, даже в вечности не станет языком их тюрьмы; они изучают его не для того, чтобы читать Данте и Леопарди в подлиннике (хотя мечтают и об этом), а потому, что приятно говорить на таком красивом языке, если придется быть в Италии»*) [27, с. 133] и физически (в тюремной камере устраивает спортивные занятия). Меняется и ее отношение к жизни: в начале своего пребывания в заключении она продолжает быть верна своим революционным

принципам («Она не выдумывает ощущений, а списывает их с портрета сидящей за тюремным столиком революционной героини весь облик которой ей очень нравится и ее чарует» [27, с. 121]), но спустя три года тюремной «вечности» она приобретает непреодолимую тягу к жизни. Снова ее стойкость духа, негибаемость и жизненная позиция, приобретенные в деревне Федоровка, позволили Наташе спастись от негативных мыслей, понять всю бессмысленность своей смерти («На двадцать втором году жизни умереть – невозможно! Умирают старики и больные, и это естественно, хотя жаль и их» [27, с. 119]). А.В. Жлюдина А.В. пишет: «Осознание себя независимым от истории природным существом знаменует начало “перерождения” героини. Вера в торжество природных законов, утверждающих лишь естественную смерть и обязательную свободу живому, позволяют героини избежать смерти...» [14]. Запертая в камере, она также была ограничена от внешних факторов, будь то правила конспирации, революционные идеи и т.д. Свобода от этих мыслей позволила Наташе оценить жизненные перспективы; насколько она способна оставаться на пути революции и террора; сможет ли также разменивать свою молодую жизнь «попусту». В тесной тюремной камере она становится свободной духовно, переживает экзистенциальный кризис. Представление о долге перед идеей трансформируется в долг перед свободой личности. Все то природное, естественное, что она впитывала в свои юные годы, та свобода, которой ей не хватало, как водой из реки смыло навязанное заумными книгами философов.

Через побег героиня приходит к освобождению от оков, перебарывает сдерживающую силу «модели» государства, выходит за ее пределы, попутно освобождая других каторжанок и прочих, кто запутался в этой жизни, дала смысл, дала шанс на спасение.

Дальнейшие события во владимирской деревне показывают ее погружение в природный мир. В естественной среде, понятной для нее, привычной, родной, она задается вопросом о том, кем она ощущает себя в этом мире («Кто я такая и чего я хочу?» [27, с. 157]). Так же как и деревня

Федоровка, владимирская деревня становится источником для нахождения ответов на экзистенциальные вопросы. Проанализировав свою революционную деятельность, осознав всю бессмысленность продолжения этого пути, Наташа принимает решение завершить путь революционера, и начинает свой путь в качестве обычной девушки. Она анализирует свою уже прошлую жизнь, пробираясь сквозь закоулки памяти, и в сознании Наташи зарождается, как пишет Жлюдина А.В., *«противоборство двух миров: природного...и социального»* [14]. Все то, что ее питало в детстве – природное, настоящее, вступало в противоборство с миром правил, ограничений, подчинения, следованию чему-то. Все то, за что она боролась, видела, как дорогие ей люди разменивали свою жизнь на книжный, романтический образ борьбы за правду, справедливость и ...свободу. Она приходит к пониманию, что все эти страдания были бессмысленными (*«И в первый раз с полной ясностью Наташа понимает, что ее молодость была погоней за ничтожным, незначащим, ненужным... Как странно, что ни она, ни Олень, никто из друзей и их врагов об этом не подумали! Может быть тогда они не захотели бы умирать и убивать, удобряя телами слишком ничтожный кусочек земли?»* [27, с. 163]).

Метания между двумя мирами помогает преодолеть профессор Белов – попутчик Наташи в поезде. Он оказался неким философом, который смог примирить эти два мира. Он помог Наташе приблизиться к природному миру и встать на путь созерцателя, отменив собой ту активную социальную позицию, которой героиня придерживалась в своей «прошлой» жизни. Природный мир победил.

Но на пути к перерождению стоит еще одно испытание. Через эпизоды пребывания в Иркутске Осоргин, по мнению Жлюдиной А.В., *«ведет героиню не к отказу от прежнего жизненного опыта, а к его переосмыслению»* [14]. И дальнейший путь Наташи на Восток подразумевает смирение. На этом заканчивается ее очередной отрезок пути.

Встав на путь смирения, героиня заканчивает свой долгий и непростой путь. Белов знакомит Наташу с доктриной буддизма, как пишет Л. Поликовская, *«конечный идеал которой (буддизма – примеч.) – угасание жизненной суеты»* [34, с. 331]. Под впечатлением от рассказов Белова Наташа принимает данную позицию. Выходя за границы страны, таким образом, она выходит на завершающую стадию своего жизненного пути – освобождению духовному.

Путешествие по пустыне с караваном рождает в ней иное восприятие окружающего мира – мира статичного, неторопливого, уравновешенного, плавного (*«...точно не караван движется, а уходит под ним песок и заменяется новым»* [27, с. 182]), что позволяет героине в полной мере открывать для себя красоту мира и отменяет все условности, которые связывали ее. Много пережив, пройдя сквозь трудности, смерти друзей, сырость и темноту тюрьмы, она принимает буддизм и становится ближе с природой, частью природного пространства.

История Наташи завершается словами Будды: *«Где нет ничего, где не существует никакой привязанности – там это единственной прибежище, – Нирваной называю я его. И кто достиг его – тот не знает никаких страданий»* [27, с. 184], что говорит нам о том, что Наташа к революционной деятельности не вернется никогда.

Героиня прошла путь инициации: от слитности с живой природой и каждым мгновением ее жизни, через отрицание вечности ради революционного подвига, через «тупик» одиночной тюремной камеры – снова приобщается к вечному миру природы. Но это новый мир, вне пределов родины – мир пустыни, где нет движения, нет активного деяния, нет страстей и стремлений. В общем, автор показал испорченную жизнь – по вине исторических потрясений и ложных теорий идеологов, пытавшихся улучшить жизнь, но терпящих фиаско.

Реальность, разумеется, далека от художественного вымысла. В отличие от книжного варианта, реальный прототип Наталья Климова, с

которой был списан образ Наташи, вернулась к террористической деятельности, по предложению Бориса Савинкова – член группы социалистов-революционеров. Но Осоргину было важно показать, что Наташу Калымову не привлекает революционная деятельность как раньше, после путешествия по России, Китаю и Монголии. Будучи масоном, Осоргин передает в романе свою систему ценностей.

2.3 Отец Яков – путь сквозь историю

Второй немаловажный персонаж, ставший заглавным, сюжетная линия которого способствует, наравне с сюжетной линией Наташи, полноценному развитию романа М. Осоргина – бесприходный поп Яков Кампинский. Как говорилось в параграфе 2.1, путь отца Якова в романе обусловлен наблюдением со стороны, это пассивный путь, который был выбран им изначально, в отличие от Наташи, которая избрала путь в истории только лишь после череды сложных жизненных трудностей. В лице отца Якова автор демонстрирует путь человека в истории, след, который отец Яков стремится оставить.

Критики и литературоведы говорили об основной функции героя (наблюдение истории), но акцентировали неглубокость, поверхностность такого наблюдения. Среди таких ученых были – Бем А.Л., Лобанов Г.И., Лифанов И.В. Бем А.Л. говорит о сомнительном побуждении героя к странствиям «...Он просто обуян беспокойной страстишкой все видеть и наблюдать со стороны» [7], показывает отсутствие какой-либо конкретно выверенной цели у персонажа. Другой исследователь, Лифанов И.В. [20], выделяет душевные составляющих пути отца Якова, к которым относятся созерцание, участие и сострадание. Лифанов связывает метафору жизненного пути с реальными перемещениями героя, но только как «странничеством». Рассмотрев данные тезисы, можно прийти к выводу, что исследователи не анализировали перемещения отца Якова. Смену модели поведения героя в

разных пространственных локусах прослеживают Жлюдина А.В. и Хатямова М.А. (*«именно характер и мотивация передвижений Якова Кампинского, смена моделей поведения в различных топосах приближают нас к авторскому замыслу: к пониманию жизненного пути отца Якова и в целом концепции истории Осоргина»* [15]). В данной базовой концепции раскрывается роль отца Якова Кампинского шире. Перемещения отца Якова не сводится к обычному странничеству, при этом, сам отец Яков в произведении не называл себя странником. По роду деятельности для отца Якова близко слово летописец, но лишь близко.

Бесприходной поп в своей философии называет себя землепроходом (*«...Всея России любопытствующий землепроход»* [27, с. 57]), иными словами, в своих бесконечных странствиях он открывает для себя отдаленные уголки нашей необъятной родины, своими глазами, не со слов сторонних лиц, выстроить свое собственное мнение о событиях, людях, местах. Во всем этом и заключается цель передвижения героя. Исследователь Бем А.Л. говорит о герое так: *«Вместо обычного странника неожиданный “землепроход”. Мих. Осоргин знает и любит русское слово; очевидно, откуда-то извлек он и своего “землепрохода”, но моему уху звучит это определение как-то чуждо и фальшиво»* [7]. Здесь исследователь противопоставляет понятия «землепроход» и «странник», но даже сам Осоргин не употребляет слово «странник» при описании отца Якова, однако, свою очередь, глагол «странствовать» используется в значении «путешествовать». Отсюда видно, что «странствие» попа воспринимается, как пишут Жлюдина А.В. и Хатямова М.А., как *«долговременное путешествие-исследование в разных направлениях для открытия “новых земель”»* [15]

Отличает также отца Якова какая-то особая скромность, дружелюбие, незатуманенный взгляд на окружающих (*«Отец Яков хвалит все и всех. Дурного он не хочет видеть и говорить о дурном не любит. В каждом месте заводит добрые знакомства, все больше с местными интеллигентами, с*

докторами, с адвокатами; с духовными лицами мало, хотя не чуждается. Не брезгует и исправниками и очень интересуется революционерами, но о подобных встречах и знакомствах никогда не болтает: понимает, что нельзя» [27, с. 16]). Наряду со скромностью, отец Яков отличается изрядной любознательностью: любое событие, личность не уйдет от его любознательных глаз («Главная страсть отца Якова – сидеть за чаем в обществе просвещенных людей и слушать их разговоры, своих замечаний не вставляя. <...> сам слушает, но о слышанном по чужим домам не переносит» [27, с. 16]; «Все любопытно отцу Якову! Кипит Россия – и отец Яков стоит у котла со своей ложкой, вынутой из всевещающего портфеля. <...> Лю-бо-пытно! Но в общем – его дело сторона, он только частный наблюдатель жизни, смиренный свидетель истории» [27, с. 17]).

В своих странствиях отец Яков не ограничивает себя, выбирая разные направления («Сегодня он в Москве, завтра в Питере, через неделю в Вологде, Уфе, в Рязани...» [27, с. 15]); его тянет к исследованию новых мест («Никто не знает точно, зачем странствует отец Яков, и никто не удивляется его дальним перелетам» [27, с. 16]). Все перемещения отца Якова замыкаются в пространстве России, ведь именно в ней он, как пишут Жлюдина А.В. и Хатямова М.А., «открывает новые земли», «медвежьи углы». И именно путешествие более точно характеризует перемещения отца Якова.

Характер перемещения отца Якова отличается от перемещения Наташи (к смене мест ее побуждают обстоятельства). В своих путешествиях он открывает новые места, их особенности, и преуспевает в этом деле («...он там нашел русское племя, которое и про Бога не знало, и даже браков не имело, – так, жили, кто с кем хотел, и никому не молились» [27, с. 18]). Не считая себя ученым, но старающийся соблюдать («...во всем систему и порядок» [27, с. 27]), поп выстраивает свой маршрут в соответствии со своими предпочтениями («...Зимой – по городам, летом – на Волге и Каме, третьим классом парохода от Рыбинска до Астрахани, от Нижнего до

Перми» [27, с. 15]) и, будучи «землепроходом», отмечает любое незначительное изменение в местах, которые он неоднократно посещает. И здесь пути Наташи и Якова имеют разные векторы направления – путь Калымовой прямой, линейный, чего не сказать про путь отца Якова – каждое посещенное место для него это новые знакомства, заметки, открытия, и возвращаясь вновь, он видит динамику этих мест, их изменения, фиксирует это для себя. Скитаясь от одного города к другому, отец Яков отмечает отношения людей, живущих в основном в глубинке, на происходящие в столице дела, оценивают настроение населения (*«Тут опять задумался отец Яков, свидетель истории. В своих скитаниях он видел правящих и жил среди управляемых; и опыт жизни говорил ему, что и те и другие не проявляли склонности к поучительным из событий выводам. <...> во глубинах уездной России столичные дела не имели ясного отзвука и что разговоры о свободах, о народном представительстве и ответственном министерстве были и чужды, и непонятны крестьянской России и толковались ею по-своему...»* [27, с. 26]. Автор видит в отце Якове человека, который чувствует главную составляющую России – это ее народ, живущий в провинции, в единении с природой, не знающий потрясений «большого» мира, обитающий в гармонии. В своем небольшом эссе «Россия» Осоргин пишет: *«С тех пор верю и знаю, что нет программы для России лучшей, чем солнце днем и теплый дождик в ночи. И что раны свои она умеет лечить без аптечных снадобий и без консультаций иноземных врачей. И что не страшны ей укусы комара или хоть бы и ядовитого овода. И с тех пор желаю России одного: хорошего урожая хлебов и трав. Так мыслю я о России-земле, о России-народе, а не о пятнышках — городах и математических точках — людях»* [28]. Люди всегда были главным для автора, именно они являлись наполнением, основой государства. Нет народа – нет государства. Мысль простая, но весьма показательная. И народ чистый, незатронутый проказой городской суеты и порока, способен чувствовать, сострадать и вести Росси к просветлению.

Но не одной глубинкой довольствуется наш неутомимый исследователь, и с «лю-бо-пытс-твом» наблюдает и события в более крупных городах, ведя попутно свою хронику (*«В девятьсот пятом году, перед самыми свободами, великим любопытством горел отец Яков. Всегда осторожный и осмотрительный, тут он позволял себе заглянуть в такие места и такие квартиры, куда раньше не решился бы пойти»* [27, с. 124]). Но автор не делает из него героя политически активного, какой была Наташа Калымова. Происходящие события (события в Москве и Петербурге 1905 г.) подогревают интерес отца Якова к новым исследованиям (*«...Тянет отца Якова прокатиться подале от столицы, заглянуть в глушь – как там живут люди? Побывать в Пошехоньке, в каком-нибудь Усть-Сысольске, а то заглянуть на Соловки по зимнему времени, – там еще никогда не бывал отец Яков. Как сейчас в сих медвежьих углах – вот что лю-бопыт-но!»* [27, с. 106]). Ему важнее то, что творится за пределами столицы, где течет настоящая жизнь, где люди добры, искренни и открыты. Ему нужно увидеть, как сложилась их жизнь на данный момент (*«Тоже мечтатели или живут все по-прежнему, добро не приемля и злу не противясь?»* [27, с. 106]).

Выполняя свою роль «свидетеля истории», кем его представляет нам М. Осоргин, отец Яков демонстрирует пути развития России наиболее полно.. В его странствиях есть и небольшие города, существующие в потаенных уголках России, и крупные и центральные города. Каждый локус показывает различия истории – история государства пишется в центральных городах, история народа протекает в деревнях, в провинции. Автор показывает важность обоих топосов в равной мере. Особо отец Яков выделяет Петербург (*«И думал отец Яков, что Нева – словно бы не русская река, не сестра Волге, Каме, Белой, рекам ласковым и задумчивым. Много в ней беспокойства и нет тихой мудрости и созерцательности. Может быть, это и неправильно, что столица России в Петербурге, в городе, слов нет, красивом, но холодном и неуютном, самое имя которого редкий мужик выговаривает правильно. <...> Царство наше сонное, в меру работающее,*

молится лениво, равно Богу и лешему, и нет ему дела до "выборгских воззваний", и никаких оно не знает имен, и шум столиц в глубь его доносится досадным комариным гудом. А велико оно до безграничности, и города по нем - точно редкие мушья точки на домотканой холстине, так себе - малозаметная досадная нечистота» [27, с. 56]), считая его чуждым городом, искусственным, не одобряемым простым народом. Влияние Петербурга отражено в работе Топорова В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы», в которой говорится о «непреборимой эгоистической тенденции к нравственному комфорту, об отсутствии мужества стоять лицом к лицу с вопросом, который решить нельзя и в самой нерешенности и нерешаемости которого кроется его последняя глубина: Петербург — центр зла и преступления, где страдание превысило меру и необратимо отложилось в народном сознании; Петербург — бездна, «иное» царство, смерть, но и то место, где национальное самосознание и самопознание достигло того предела, за которым открываются новые горизонты жизни, где русская культура справляла лучшие из своих триумфов, так же необратимо изменившие русского человека» [39]. Качества, воспитанные в людях Петербургом, вызывают противоречивые чувства у отца Якова, который точно подмечает, что простому мужику не подходит этот город.

Также о несоответствии Петербурга и мироощущения простого народа пишут Жлюдина А.В. и Хатямова М.А. *«Русскому мужику неуютен Петербург, в котором «пахнет не нашим морем», но он перенимает чужую модель поведения» [15], и отец Яков подмечает этот феномен в своих наблюдениях («Раньше люди были проще и приветливее. Ныне же улыбаться улыбаются, а смотрят словно бы косо. Каждый стал жить для самого себя, о ближнем помышляя мало. Главное – нет прежней простоты, что вот пришел человек навестить, пообедал и заночевал. Ныне это считается неудобным, и хороший обычай выводится, особенно в столице. И жить все хотят по-европейски, и даже одеваться стали чище и параднее» [27, с. 125]).*

Но не только изменения коснулись центральной части, изменения дошли и до провинции, о чем говорит отец Яков (*«За последние два года блуждания по России отец Яков всюду находил разительные против прежнего перемены: то ли огрубели человеческие сердца, то ли дуют иные ветры! Нет прежней доверчивости и простоты, люди стараются сами устроиться получше, о ближних не помышляя...»*) [27, с. 116].

Осоргин сочетает в Якове Кампинском одновременно и священнослужителя, и человека светского. От этого образ отца Якова становится более полным и не односторонним, кажется намного более живым. Несмотря на духовный сан, ему как человеку не чужды прелести светской жизни, с ее страстями и пороками. И как любому человеку, отцу свойственно чувства неприязни (*«Перешагивая порог конторы, он подобрал ряску, как бы во свидетельство того, что он тут, собственно, ни при чем и даже прикасаться к стенам тюрьмы не хотел бы...»*) [27, с. 134]), страх (*«...скоренько собрался, поблагодарил за гостеприимство и тоже уехал: то ли из опаски, то ли дальше смотреть мир»*) [27, с. 19]). Женская тюрьма – одно из тех мест, которые Яков не очень жалует, если бы не поручение отца Наташи Калымовой. Остальные топоры, которые не вызывают чувства дискомфорта, страха за свою жизнь, он посещает охотно – посещение родственников девушки Анюты, за которую хлопотал по поиску работы; перед посещением собрания в Петербурге селится у старых знакомых, которые с радостью принимают его. В своих похождениях отцу Якову приходится решать множества дел, «похлопотать» за кого-то, как это было с Анютой – дочкой его хорошего знакомого Петра Петровича Хвастунова. Бедную сиротку он пристраивает смотрительницей в тюрьму, в которой отбывает срок Калымова с другими политическими арестантками. Отец Яков постоянно стремится быть полезным, проявляя человечность ко всем – от простого рабочего до революционера. Как говорил отец Яков (*«...всякий честный труд почтенен и все зависит от усердия в работе»*) [27, с. 136]. Для этого он применяет то, что идет вразрез со всеми понятиями о священнике, о

служителем господина – хитрость: чтобы подобраться к дому Столыпина пользуется фотографией воспитанниц приюта, которого не существует («...Пути к недоступному найдутся через сиятельную покровительницу Анну Аркадьевну, которой отец Яков аккуратно посылал свои книжечки и фотографии скуластых девочек в белых передниках...» [27, с. 55]); использует документы, потерявшие свою силу («...Бланки приюта и большую печать отец Яков не оставил своим гонителям. Теперь, никаких явных материальных выгод не извлекая, он в нужных случаях пользовался и бланками, и печатью, адресуя благодарности и ходатайствуя о высоких рекомендациях» [27, с. 55]). Но данные проступки героя не выглядят, при подробном рассмотрении, безнравственными и подлыми. Благими намерениями вымощена дорога в ад, но в отношении Якова данная мысль, через призму человечности, работает иначе. Совершая подобное «благо», он открывает пути для тех, кому намного труднее в жизни – дети из приюта, сиротка Анюта. Отец Яков – реальный человек, которому свойственно переступать через свои принципы. Он не святой. Автор демонстрирует героя как человека ловкого, смекалистого, способного подстраиваться под ситуацию.

Важной составляющей персонажа являются «Записочки землепроходца», сборники статей отца Якова («*Портфель отца Якова полон рекомендаций, бумажек с печатями, брошюрок земского и епархиального издания, его собственных писаний и визитных карточек с адресами. <...> А пишет отец Яков преимущественно краткие исследования о местных обычаях, провинциальных памятниках старины, о кустарях, о ярмарках – и для газет, и для издания книжечкой в знакомой типографии. <...> В этих тетрадочках, на обеих сторонах линованных страниц, отец Яков записывал ход лично им наблюденных достопамятных событий, а также доверия заслуживающие слухи, с предпочтением - которых не было в газетах*» [27, с. 16]). Он получал за заметки небольшие гонорары, но главным остается просвещение народа, освещение жизни глубинки. Как пишут Жлюдина А.В.

и Хатямова М.А., «...изучение местной культуры, традиций народа, при этом каждое пространство оказывается неповторимым» [15]). Отец Яков пишет о многом: и о занятиях коренного населения («...о тульских медниках, вяземских прянишниках, уральских кустарях, архангельских сказителях, владимирских офенях...» [27, с. 168]), и о достаточно редких культурных находках («...о серебряных блюдах сасанидской династии, найденных в прикамских курганах, о теплоуховской коллекции» [27, с. 168]). Через «Записочки землепроходца» автор стремится показать богатство, широту и неповторимость культуры России, существующей вне, помимо столиц. Отец Яков выполняет миссию хранителя истинной истории, того, что скрыто от глаз столичного человека. Этот нелегкий труд позволит потомкам дополнить историческую картину России. В своих трудах Яков отражает истинную, неподдельную культуру России. Сам автор в эссе «Россия» пишет: *«И когда говорят: “Россия погибла, России нет”, — мне жаль говорящих. Значит, для них Россия была либо царской приемной, либо амфитеатром Государственной Думы, либо своим поместьем, домиком, профессией, верой, семьей, полком, трактиром, силуэтом Кремля, знакомым говором, полицейским участком, — не знаю еще чем, чем угодно, но не всей страной его культуры — от края до края, не всем народом - от русского до чукчи, от академика до кликуши и деревенского конокрада»* [28].

В своих летописях отец Яков не всегда соблюдает достоверность, что отмечает автор в романе (*«В книгах строчка за строчкой нанизано то, что было, и то, чего быть не могло»* [27, с. 11]). Его записи носят субъективный характер. Одна из мыслей в записях Яков гласит *«Наблюдается разочарование человека в достижении высоких идеалов, каковыми увлекались тому назад три года, и, однако, кончилось поражением надежд и тайных мечтаний. В особенности следует сказать о молодежи обоего пола, как о том свидетельствует даже изящная литература, подстрекающая к соблазнам плоти, чего раньше в подобной степени не примечалось, а также случаи юных самоубийств. Иные объясняют политической реакцией, обвиняя*

в сем правящие классы. Сам судить не берусь и лишь выражу надежду, что данное явление скоропреходяще"» [27, с. 126]. Он говорит об обмельчании, истощении у нынешних (того времени) людей способности достигать высоких целей, нравственно совершенствоваться. Но в его мыслях не видно осуждения; он снова верит в возможность, что все пойдет по иному пути – по пути исправления. Отец Яков не старается соблюдать достоверность, а скорее зафиксировать, сохранить бесценные моменты жизни народа, через призму своего мировоззрения. Для отца Якова одинаковую ценность представляют разные события, будь то хоть революционные «забавы» подростков («...Десяток юных смельчаков с неописуемой дерзостью отбили у солдат пушку, а что делать с той пушкой, не знали, почему и послали одного посмотреть в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, как отвинчивать замок, но ответа не дождались, да так и бросили, вовремя убежавши» [27, с. 25]. Ведя летопись, отец Яков не занимается искажением истории, но в рамках жанра летописи он вынужден следовать определенным канонам – полностью исключать субъективную оценку событий («Сей бурный и событиями несчастливый год закончился обильным пролитием человеческой крови. Не мне, скромному созерцателю событий, изыскивать оных причины <...> И да извлекут из проистекших достопамятных событий поучительные выводы и правящие, и управляемые!» [27, с. 26]), от этого его «Летопись...» становится уникальной. Как пишут Жлюдина А.В. и Хатямова М.А., «...отец Яков понимает, что достоверных текстов, описывающих этот исторический период, больше не будет. Вместе с тем он осознает и полноту ответственности за свое дело» [15]. Такое отношение показывает стремление отца Якова сохранить историю для потомков в неотшлифованном виде.

М. Осоргин создал персонажа мудрого, способного рассматривать жизнь под разными углами, ценить ее во всех смыслах и не боясь подстраиваться под условия, которые диктует ненавистная многим власть, сохранять ясность ума и не изменять своим принципам. Автор через Якова

выражает мысль о ценности народа. Народ должен находиться вне политических игр. Через созерцание, познание себя строится гармоничный мир. (*«Мы — только часть Природы. Нельзя ощутить и познать жизнь, не научившись слушать, как растет трава, и не пожав дружески (со всей осторожностью) лапку божьей коровке. Чистая правда только в куполе старой цветущей липы, где гудят пчелы. Можно, конечно, на нить выдумки нанизать сотню благородных героев и очередных пошляков, перепутать это ожерелье паутиной вымышленных или исторических событий, наказывать порок, прославить добродетель и подать их под гарниром нравственных прописей или опасных парадоксов, — это вопрос техники, и я мог бы рассказать, как это делается»* [26]). Пассивный путь отца Якова проложен дальше извилистого пути Наташи Калымовой. Свой путь отец Яков выстраивает из создания правдивой истории, что поможет потомкам избежать ошибки прошлого, не дать им проникнуть в настоящее, чтобы отравить будущее.

Персонажи Наташа и отец Яков отражают разные периоды и разные грани личности самого Осоргина. В них отражена жизнь Осоргина — революционная и созидательная, духовная. Как и Наташа, он непродолжительное время был членом эсеровской организации, но вскоре отрекся от ее деятельности, найдя покой в эмиграции в маленьком, уютном домике с садом. Часть же отца Якова — это активное творчество Осоргина как публициста и прозаика, направленное на гуманизм, свободу и познание неизведанного. Крупный знаток литературы, талантливый публицист и литератор, он сумел совмещать в себе две ипостаси, на первый взгляд кажущиеся несовместимыми — ярый революционер и активный сторонник почитания человеческой жизни и свобод.

2.4. Роль второстепенных персонажей в романе

Революцию, как показывает практика, не сделать в одиночку. Это коллективный процесс; каждый выполняет свою роль и вносит бесценный вклад, даже если он еле заметен. Вместе с Наташей в неравную борьбу вступают другие революционеры. В романе они играют роль персонажей второго плана. Но Осоргин наделяет их характерами не менее сильными, чем у Наташи или отца Якова. Эти персонажи дополняют образ Наташи, помогают раскрыть более полно ее характер.

В отличие от Наташи, путь этих персонажей недолог. Многие остались не сделаны ими, не на все вопросы они успели найти ответы. Их влекла революция, идея, за которую они умирали с завидным спокойствием и нередко с искренней улыбкой.

Осоргин знакомит читателя с ними во время празднования на квартире одного преподавателя (*«Меньше всех мог бы сойти за пролетария маленького роста еврей, с обезображенными и исковерканными кистями обеих рук; у него большие, слегка навывкате удивленные глаза, редкая бородка, слабый голос и острый, ядовитый язычок; его называют Никодимом Ивановичем, он – старый партийный работник, и все знают, что его руки обожжены взрывом, когда он заведовал эсеровской лабораторией. Третий гость учителя – невеселый и задумчивый юноша Морис, студент, успевший еще до московских событий дважды посидеть в тюрьме и освобожденный в дни "свобод". Четвертый гость – товарищ Петрусь, студент-лесник, румяный, приятный, веселый, общий любимец; в дни ноября он, в высокой папахе и с револьвером в руках, единолично разгонял толпы черносотенных демонстрантов: врвался в середину толпы и кричал: "Честные люди, расходитесь, а жуликов пристрелю!" Стрелять ему не приходилось, так как толпы разбежались, оставляя на снегу царские портреты и иконы Серафима Саровского. На эти свои подвиги Петрусь смотрел как на легкий спорт и забавное развлечение. Но в декабрьские дни*

он так же весело валил фонарные столбы, заграждая путь семеновцам, и перестреливался с ними из-за слабого прикрытия» [27, с. 27]. Находилась и среди них женщина, помимо Наташи, не уступающая остальным революционерам в стойкости, отваги и хладнокровии («Одну из женщин, постарше, зовут Евгения Константиновна. Она некрасива, но так родовита и барственна лицом, что никакой головной платок не превратит ее в заводскую девушку. По говору – не москвичка, так как отчетливо говорит "конечно" и "скучно", а не "конешно" и "скушно", как полагается говорить москвичам; скорее всего – петербурженка, к тому же привыкшая и к иностранным языкам. <...> Он знал Евгению Константиновну как члена эсеровской партии и слышал о необыкновенном ее хладнокровии и выдержке, об этом знали все. Знал еще, что через нее партия получала сведения о настроении военных кругов и о составе Московского гарнизона, который в дни революции оказался малочисленным и непрочным, почему и были присланы в Москву семеновцы. Но биографии ее он не знал, как и большинство; не знал и ее настоящей фамилии. Хорошо ее знал только Олень» [27, с. 28]). Они шутят, поют песни – происходит момент единения.

Особо нужно выделить Оленя – предводителя группы эсеров, в которую входят эти персонажи. Появляясь на страницах романа, он предстает перед нами высоким, светловолосым, целеустремленным («Больше всех похож на рабочего парня тот, которого называют то Алешей, то Оленем. Он – высокий, красивый блондин, с лицом мужественным и очень нервным; к нему, широкогрудому и стройному, кличка Олень очень пристала, и, по-видимому, он к ней привык» [27, с. 27]). Обладает волевым характером, готов идти на риск:

(«– А ты, Алеша?

– Я останусь.

– Тебя заберут, тебя хорошо знают по Пресне.

– Заберут, не заберут, а я сейчас уехать не могу, и говорить нечего.

Живым меня не заберут» [27, с. 30]),

но переживает за судьбу своих товарищей. Избрав Оленя своим руководителем, товарищи полностью ему доверяют и следуют его указаниям (*«Решил Олень. Другие привыкли ему подчиняться: – Идем все. До города – вместе, в городе поодиночке. Новый год, да и ночь чудесная, снег идет – прогуляемся»* [27, с. 31]). Особое впечатление Олень производит на Наташу, которая испытывает искренние, высокие чувства к нему. Она готова пойти за ним, видя в нем истинного героя, идейного вдохновителя (*«Именно вождя и верного товарища она в нем и любит, – хотя он умеет быть ласковым и нежным»* [27, с. 38]). За маской сурового революционера в нем скрывалась чувствительная натура (*«Он вошел, белокурый, смущенный. Наташа подумала: "Вот так входят к новобрачной, а впрочем, вероятно, совсем не так"»* [27, с. 36]). Забота, проявляющаяся по отношению к Наташе, не дает отпустить ее на опасное дело (*«Он, большой, решительный, железный, бестрепетный, – вдруг предстал перед ней маленьким и жалким. Она почувствовала, как всю ее охватил жар негодования. Где же подвиг? Маленькая мещанская любовь? Он, их признанной вождь, не может победить в себе жалости к ней, не может возвыситься над общей постелью!»* [27, с. 50]) Многие приходится принимать на себя Оленю (*«Он не тратит часов и дней на теоретические споры и рассуждения; ежеминутно рискуя головой, он готовит страшный удар власти, с которой борется, зная, что при этом могут погибнуть люди, ни в чем не повинные. Он следует приказу своей совести, не позволяя себе лишних рассуждений. И он имеет на это право, потому что всегда готов быть первой жертвой и за все понести ответственность»* [27, с. 37]). Постоянный риск отнимает у него немало как физических, так и духовных сил. Он знает внутренние противоречия, минуты слабости, как, например, в эпизоде с расстрелом свидетелей (*«И вот тут сказало то, что Олень называл интеллигентщиной <...> расстреливать взятых в плен они не умеют. Одно – нападение, другое – казнь. Быть палачом, убить связанного – на это сил не хватает»* [27, с. 39]). В этот момент в нем бушует противоречие – нажать на курок, и стать тем, кем они

предстают в глазах правящей верхушки власти – убийцами и террористами, не ценящими чужие жизни. Совершенное вызывает у него отвращение, прежде, к самому себе («Наташа видела, как дергалась щека Оленя и какое презрение было в его глазах» [27, с. 39]). После череды попыток избежать попадания в цепкие лапы охранительной системы, в конечном итоге, Олень оказывается в петле, но и тут он не показывает страха, не теряет самообладания («...и перед лицом Оленя качнулась петля. Увидав ее, он вздрогнул, дернул щекой, затем без порывистости, но очень уверенно освободил правую руку и отвел ею руку палача» <...> Повернувшись к стоявшему за его спиной, он сказал вежливо и строго:

- Не нужно! Дайте, я сам!» [27, с. 111])

Таким образом, Осоргин, без сомнения, высоко ценит таких людей, как Олень – самоотверженных, решительных, имеющих ясную цель. Но, как показывает линия Наташи, да и судьба самого Оленя, вдохновлявшая эсеров-террористов идея была изначально ложной.

Не менее отважной была девушка по имени Фаня, перевозившая взрывчатку на себе («Некрасивая девушка с веснушчатым лицом и жидкими прямыми волосами вошла в вагон второго класса» [27, с. 41]). Неприметная, без романтического ореола, как у Оленя, она делает свое дело с полным самоотвержением («Девушка задыхалась от жары и от неудобной одежды, часто кашляла в кулачок, выходила в коридор подышать воздухом и снова пыталась заснуть» [27, с. 42]), рискуя быть задержанной и закончить свою жизнь за решеткой. Снова идея революционного, освободительного террора придает ей уверенность и преумножает ее бесстрашие. Она пользуется уважением товарищей по борьбе («В пятый раз привозит из Финляндии мелинит и динамит, дышит им целую ночь, отравляет себя через легкие и через поры своего худенького тела, - и даже слезки ни разу за ней не было. Делает дело маленькое, но очень важное и ответственное. <...> И впредь будет так же, если только здоровье позволит ей и дальше быть маленькой

участницей великого дела» [27, с. 53]). Путь этой героической девушки закончился арестом.

Также недюжинную отвагу проявили братья Гракхи – двое юных ребят, студент и рабочий, тесно связанные с Оленем («*Студент - тот самый Петрусь, москвич, который забавлялся, в одиночку разгоняя шествия черносотенцев; по природе - весельчак, румяный, здоровый, смотревший на жизнь как на ряд занятных и рискованных приключений. Второй Сеня, сам рабочий и из рабочей семьи, был, скорее, мистиком, вечно в облаках мечты, красивых слов, с которыми он не мог справиться и которые в его устах звучали смешно и наивно, детскими стихами. Полтора года назад, девятого января, был убит его старший брат, пошедший за знаменитым священником Гапоном к царскому дворцу в толпе безоружных рабочих. Этот брат был в глазах Сени героем, - пока не выяснилась двусмысленная роль Гапона; теперь Сеня считал жертву брата напрасной, а себя - мстителем, который тоже погибнет, но не зря, не робкой овечкой, а бойцом революции*» [27, с. 59]). Олень им доверял больше всего («*Из всей боевой группы Оленя только они двое были совсем близкими людьми, с которыми обо всем говорилось с полной откровенностью: ни в их преданности делу, ни в их осторожности не могло быть сомнения*» [27, с. 59]). Именно им Олень доверяет опасное задание – нести на себе жилеты с взрывчаткой, таким образом, подводя черту их весьма короткого пути. За день до исполнения своего предназначения, автор раскрывает нам переживания героев накануне назначенного покушения: «*Когда принесла, братья Гракхи побледнели и старались улыбаться. Студент Петрусь сказал: "Мне выберите покрасивее!" - но на его шутку никто не ответил. <...> Они осторожно сняли жилеты и облегченно вздохнули. Но все еще были бледны. У Петруся вздрагивали губы, и он часто пил воду*» [27, с. 67]. Наташа ценит их стремление отдать свою жизнь, победив страх («*Наташа видела, что им обоим страшно, но что они не отступят, не таковы Гракхи. Страшно и ей – но нужно им помочь*» [27, с. 69]). Предстоящие события серьезно отразились на состоянии братьев

(«Все эти месяцы оба они жили не в быте, а в воображении, не оглядываясь, не одумываясь, ежеминутно готовые к тому, что их природе, может быть, чуждо, но совершенно неизбежно и неизмеримо высоко» [27, с. 70]). Они слепо верят Оленю и революционной идее, умирать не торопились, но всеобщее превыше личного (*«Петрусь сказал задумчиво: – Я в вечную жизнь не верю, а здешнюю жизнь я люблю. И вот что я люблю, то и хочу отдать»*). Трагические события окончили путь братьев Гракхи (*«– А Гракхи? – Гракхи... там. Взрыв был страшный, я оглушен. Половина дома разрушена, и, конечно, много убитых. На улице убиты лошади!» [27, с. 80]*). Еще пара жизней в копилку победы за свободу, плюс жизни случайных людей.

Второстепенные персонажи являются собирательным образом террористов – бесстрашные, самоотверженные, преданные идее. Осознанно пренебрегая своими жизнями, они прокладывали путь в будущее России, которую они видели, в какой хотели жить или дать возможность жить другим людям. Если главные персонажи являются отражением сущности М. Осоргина, то второстепенные стали тем окружением, той атмосферой, в которой обитал Осоргин – революционер. Как и он, будучи «одной спицей в колесе», все эти персонажи были тоже своего рода спицами, которые скрепляли все воедино и несли вперед это колесо, пылающее революционным пламенем.

Глава 3. Традиции русской литературы в романе М. Осоргина «Свидетель истории»

3.1. Традиции русской классики

Осоргин был человеком, страстно увлекающийся литературой. Одну из частей своей жизни он посвятил сбору книг, порой редких изданий. Данное увлечение привело к открытию небольшого книжного магазина в 1918 г., вместе Борисом Зайцевым и Владиславом Ходасевичем. «Лавка писателей», к сожалению, недолго просуществовала. В данной лавке Осоргин вместе со своими соратниками – П. Муратовым, В. Ходасевичем, Б. Грифцовым – собирал потрепанные и зачитанные книги, а также принимал книги от частных издательств. Но неподъемные налоговые обязательства и набиравшая обороты новая экономическая политика (НЭП), привела лавку к скорому закрытию в 1922 г.

Беззаветно любящий книгу, Осоргин не мог обойти вниманием традиции русской классики и литературы начала XX в. В романе «Сивцев Вражек» встречаются схожие черты с Тургеневым, Толстым, Достоевским. М. Фрадкина в статье «На перекрестке традиций (“Сивцев Вражек” М. Осоргина и традиции русской классики)» отмечает, что *«традиции Тургенева и Толстого не просто усваиваются им, а иногда, как бы вступают друг с другом в полемику»* [42]. Осоргин брал все лучшее, что предоставляла литература того времени, и благодаря недюжинному таланту создавал неповторимый, самобытный мир в своих романах. В романах Осоргина зрелого периода, к которому относится и роман «Сивцев Вражек», определяется эстетика, которая ориентируется на традиции толстовской романистики.

В эмигрантской среде Осоргин был неким изгоем, не совсем вписывался в среду писателей и публицистов (он, кстати, продолжал жить с российским паспортом). Нежелание делить героев на хороших и плохих, отказ от жесткой идеологической позиции привело к непростому положению

одинокки. Но данное положение не заставило его пожертвовать своими убеждениями и вкусами.

Толстой имел немалое влияние на Осоргина. Вслед за ним, Осоргин продолжает уделять внимание своей главной теме, переходящей из книги в книгу – теме дома: место единения, спасительный островок; место, что противостоит невзгодам, жесткости, смерти, духовному разложению; место, что находится за границей мира рациональных, сухих, черствых людей. Для Осоргина Дом – центр вселенной. О важности дома для Осоргина писали, например Н.В. Барковская, С.Я. Фрадкин, Н.Н. Гашева и другие.

Также в творчестве Осоргина занимает главенствующее место образ провинции – концентрация истинных духовных ценностей; место, где можно по-настоящему узнать, что такое Россия. Тема провинции сближает Осоргина с классиком российской литературы и драматургом А.П. Чеховым. Р.В. Комина в статье «Чеховская Россия в произведениях Осоргина» пишет, что *«особое место и в творчестве Чехова, и в творчестве Осоргина занимает обобщающий образ-понятие «провинция» в его характерности и в его открытости самым сложным историческим и философским мотивам, в том числе – загадка России, мотиву человеческого искания истины»* [16]. Осоргин очень ценил свою Родину: как Россию в целом, так и свою малую родину – Пермь. И та, и другая занимали особое место в его жизни. Разделенный расстоянием (находясь в эмиграции в Италии), Осоргин ни дня не проводил без мыслей о России.

«Россия» у Чехова и Осоргина имеет общую историческую грань – преддверие новой полосы жизни России. В отличие от Осоргина, которому представилась возможность перейти Рубикон исторической эпохи – до и после революционного периода, Чехову не удалось увидеть дальнейшую судьбу страны. В творчестве Осоргина находится своеобразный ответ, на который мог бы дать ответ Чехов – о дальнейшей судьбе России. И Осоргин один из тех писателей, по мнению Коминой, кто создал одну из достоверных «версий» возможного чеховского ответа. Основываясь на знаниях России

после Чехова, Осоргин как бы продолжает развитие чеховских персонажей в своих произведениях. В произведении «Свидетель истории» прослеживаются чеховские нотки. Так, героиня Надя из чеховской «Невесты» и героиня Осоргина Наташа Калымова из «Свидетеля истории» - героини, чья судьба связана с уходом из привычного мира, в котором все понятно и просто, в мир большой, который кажется безграничным, молодых девушек, для которых способность жить «домашним» кругом становится невозможным.

В произведении Осоргина «Свидетель истории» встречаются следы влияния классика жанра психологического романа Ф.М. Достоевского. В своем романе Осоргин осмысливает применение оправданной жестокости, преступления, совершенное ради идеи освобождения, справедливости и равенства. Осмысляя эту идею, автор не мог обойти стороной произведения Достоевского, такие как «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы» и т.п.

Родион Раскольников сочетает в себе порядочность, благородство, но в тоже время, он замыслил поступок, который нарушает законы нравственности, оправдывая его будущими благими делами (а не только «наполеоновской» идеей). Черта любого христианина – стремление к состраданию – подталкивает персонажей совершить антихристианский поступок. Родион Раскольников в «Преступлении и наказании» сочувствует ближним, чья жизнь полна страданий и унижений. Мечта о благе народа руководила и эсерами-максималистами. В этом заключается некоторая преемственность героев Осоргина «Свидетель истории».

Персонажи Осоргина подвержены сильному влиянию «великой» идеи, за которую они не пощадят ни здоровья, ни жизни. Это и Фаня, перевозившая мелинит на себе (*«привозит из Финляндии мелинит и динамит, дышит им целую ночь, отравляет себя»* [27, с. 43]), жертвуя ради освобождения народа своей свободой и будущей жизнью; это и Сеня и Петрусь (братья Гракхи, как окрестила их Наташа Калымова), исполнители главной роли в террористическом акте – подрыве дома Столыпина –

прекрасно понимая, что их ожидает. Но своими жертвами они хотели вырвать народное сознание из вечной спячки, в которой они пребывали долгое время. Не обошла стороной трагическая судьба одного из ключевых героев произведения – террориста Алексей по прозвищу Олень. Персонажу приходится идти против своих убеждений – убивать подосланных агентов полиции – что непременно отражается на его эмоциональном состоянии. Он терзает себя мыслями, что в конечном итоге он обречен, но его жертвенность приведет народ к свободе. Их мысли носят очень глобальный характер. В «Преступлении и наказании» Раскольников стремился *«сказать новое слово»* миру [13], хотя таких глобальных задач, как герои Осоргина – изменить историю, показать более правильный, на их взгляд, путь для России – он не ставил. Но идея допустимости крови «по совести» сближает героев Осоргина и Раскольникова.

Раскольников, осуждая себя за излишний гуманистический порыв, помогая деньгами незнакомой девочке-подростку, понимает, что таким образом он не изменит ни своей жизни, ни жизни этой девочки к лучшему, ведь это не изменит жизнь общества. Маленький мирок одного человека сможет окраситься светлыми тонами, но мир глобальный так и останется в статике. Персонаж Осоргина Олень задумывается над тем, чтобы отдать часть денег, полученных при ограблении, одной бедной семье, но впоследствии мысли о благотворительности уступают место великому, масштабному делу (*«Подумал — и понял, что это — стыдная мысль. Дать денег им, потом другим — ходить по домам, как благотворительная дама»* [27, с. 92]).

Осоргин показывает, как человек, руководствуясь исключительно своим разумом, пытается переделать мир, сделать его иным. Как и Раскольников, террористы, которых изображает в «Свидетеле истории» Осоргин, убеждены, что общество, в котором они существуют, устроено неправильно и только трезвый рациональный расчет способен изменить и, наконец, сделать его безупречным, даже если для этого должна пролиться

кровь. Сам М. Осоргин подмечает это: *«учились по книжке, питали в себе любовь и ненависть по указанному трафарету, гибли по программе»* [27, с. 179]. В этом заключалась слабость революционного террора того времени – большая часть участников была погружена в теорию, в которой все выстраивалось, в то время, как в жизни все складывалось иначе.

В какой-то степени, герои Осоргина и Достоевского поддерживали утилитарную мораль, согласно которой нравственно всё, что служит наибольшему счастью наибольшего числа людей [8]. По мнению Раскольников, смерть старухи-процентщицы стоит того, чтобы будущее человечество стало лучше. Но Раскольников не может пережить совершенного злодеяния, испытывает муки совести, что показывает его человеком гуманным, убежденным христианином. Чего не скажешь о персонажах Осоргина. Для персонажей Осоргина случайные жертвы есть лишь часть плана по совершенствованию мира (*«Этот напрасно погибнет — но что же делать!»*) [27, с. 47]). Но вследствие совершенного покушения Наташа Калымова чувствует вину – страдает дочь Столыпина, которую по странному стечению обстоятельств также зовут Наташа, тем самым, Калымова чувствует на себе чужое страдание. За закрепленным ярлыком «террорист» скрывались нередко ранимые натуры. Например, Олень не может убить подосланных агентов полиции, но он вынужден это сделать, и это ключевое. Неосторожным действием он подставит и себя, и своих товарищей. Он просит Наташу не участвовать в этом, стараясь не причинять ей большей боли. Как пишет О.С. Сухих в работе «Традиции Ф.М. Достоевского в романах М. Осоргина “Свидетель истории” и “Книге о концах”»: *«Эти герои сходны с персонажами Достоевского в мучительном ощущении внутреннего конфликта между идеей и натурой...»* [37].

В отличие от мужских персонажей, Наташа Калымова менее подвержена сомнениям и колебаниям, и при ближайшем рассмотрении она является более сильным персонажем, чем ее товарищи по революционной деятельности. *«В борьбе революционеров с самодержавием её влечёт не*

справедливость и не желание осчастливить ближних, а сама по себе красота борьбы, поэзия бунта. Именно поэтому во время революции 1905 года она безоговорочно принимает сторону восставших и сразу же называет их “наши”. Для неё “свой” тот, кто борется, в ком есть мятежный дух» [37]. В мотивировке ее действий не наблюдается христианского начала, что является отличительной чертой от персонажей Достоевского: «В мотивировке действий Наташи Калымовой нет христианского начала. Возможно, поэтому она и не испытывает колебаний и страданий, свойственных героям (как Достоевского, так и Осоргина), в убеждениях которых воплощён утилитарный этический принцип, а потому для них гуманная цель оправдывает антигуманные средства» [37].

О. Сухих отмечает очень сложную, местами противоречивую натуру героини Осоргина: *«М. Осоргин изображает <...>сложную человеческую натуру, для которой нельзя подобрать однозначное определение. Наташа может отправить других на гибель, а может кинуться в бушующие волны спасти тонущего человека; она способна безоглядно броситься в стихию бунта, но способна и всей душой отдаться материнству; она оправдывает насилие, но не жалеет и себя» [37]. В образе Наташи Калымовой прослеживается след ницшеанства, о чем говорится в романе: «не расставалась с Заратустой».*

Одним из вопросов, который Достоевский рассматривал в своих произведениях, был вопрос о соотношении теории и реальной жизни. Осоргин перенял данный вопрос у Достоевского, с небольшими изменениями. В романе «Преступление и наказание» логически выверенная и обоснованная теория Раскольникова рушится об иррациональные силы человеческой души, противящейся насилию. Он не может пережить преступление, не смотря на то, что сам обосновал логично свои действия. В этом случае рациональный подход терпит поражение от силы законов человеческой природы.

Осоргин перенял эти идеи Достоевского с некоторыми нюансами, связанными с пантеистической философией писателя. Природный и естественный мир, его пантеистическое восприятие (а не сама по себе христианская мораль) помогает Наташе Калымовой осознать бесполезность ее прежней революционной деятельности. С самого юного возраста Наташа обладала чувством природы, способностью наслаждаться красотой окружающего мира, от чего героиня осознала всю умозрительность любой теории и политической идеи. Имеет смысл лишь огромный природный мир, со своими законами и порядками, в чьем мире человек лишь малая часть всего его многообразия (*«И в первый раз с полной ясностью Наташа понимает, что ее молодость была погоней за ничтожным, незначащим и ненужным. Потому что все равно, какой человек подписывает листок бумаги в комнате большого города и что в этом листке написано казенным канцелярским языком. И совсем неважно, о чем совещаются люди в обширной зале и кто кого берет за горло и швыряет в яму. И неважно это, и ненужно, и смешно. Можно закрыть глаза, лечь, спать день и ночь, дни и ночи, – а деревья будут так же мелькать, горизонты медленно меняться, вершины холмов и гор поворачиваться на оси и уходить за край оконного просвета. Это и есть Россия, придуманное имя, не народ, не государство, а необъятное пространство лесов, степей, гор, долин, озер и рек. И вот этот бескрайний край хотят осчастливить, обнеся его точными границами, назвав его государством, посадив над ним правителей, дав ему парламент...»* [27, с. 163]).

Есть также переключки романа Осоргина с романом Достоевского «Бесы».

Как и в романе «Бесы», в «Свидетеле истории» поднимаются вопросы жизни и смерти, раскрыты взгляды героев на эти вопросы. В «Свидетеле истории» Наташа Калымова стремится стать свободной от обстоятельств жизни, которые противоречат истинной человеческой природе. В этом она схожа с персонажем Достоевского «Бесы» Кирилловым. Он считал, что

возможно управлять своей жизнью самостоятельно и решать ее исход, и это дает человеку настоящую свободу. «Смерти нет», – говорит Наташа Калымова в «Свидетеле истории», придерживаясь атеистических взглядов, что и позволяет ей делать подобные выводы, как и персонажу Достоевского, так же атеисту. В начале романа Осоргина героиня, приняв смерть своей собачки, не верит в смерть как в полное завершение жизни. Отсутствие страха перед смертью делает ее хладнокровным и идеальным членом эсеровской организации. Готова террористический акт, она прекрасно осознает последствия данного действия для тех, кто самовольного вызывается на дело, неизбежность гибели, как себя, так и товарищей. Это отчетливо наблюдается, когда Наташа пытается взять на себя роль смертницы при взрыве Государственного совета, но дальнейший роспуск совета спутывает все карты. Смелость Наташи Калымовой берется из веры в бесконечность жизни, в то, что смерть не является концом жизни. Как пишет О. Сухих в статье «Проблема свободы и философия самоубийства в романах “Бесы” Ф.М. Достоевского и “Свидетель истории” М.А. Осоргина», *«ей представляется, что жизнь лишь принимает другие формы, что живое существо превращается в былинку, травинку, вырастающую из праха, и таким образом жизнь его продолжается в бесконечном бытии природы»* [36]. В романе «Свидетель истории» героиня рассуждает: *«Если вот сейчас перевернется лодка и до берега не доплыть, – Наташа исчезнет, а мир останется <...> А возможно, что она превратится в рыбу, в водоросль, в морщинку речной ряби, потом подымет паром над рекой, впускается в стадо небесных барашков, прольется дождем над садом и огородами, станет соком березы или яблоком – и какая-то ее частица вернется в человеческую жизнь»* [27, с. 6]. Этим она утешала себя и своих товарищей по революционной деятельности, но по мере развития сюжета сама разуверилась в своих идеалах и впоследствии называла свои рассуждения лишь сказкой, выдумкой. *«Такого полного слияния с людскими душами она еще никогда не испытывала и переживала то, что переживает поэт в*

самый возвышенный час творчества, когда он лжет себе и другим со всей силой страсти и искренности» [27, с. 70] – и с той же страстью и искренностью она обманывала саму себя.

Наташу влечет героическое, яркое, что дает возможность человеку испытать себя и свою жизнь на прочность, когда жизнь находится только в твоих руках, и только ты имеешь право распоряжаться ею: *«...отдать свою жизнь так, как хочется, – разве это жертва? Это и значит – выиграть свою жизнь» [27, с. 14].* Это и мотивирует Наташу шагнуть навстречу смерти, ради высшей свободы.

Здесь прослеживается сходство героини Осоргина с героем романа Достоевского «Бесы» Кирилловым (*«Всякий, кто хочет главной свободы, тот должен сметь убить себя» [12]*), которым также движет мотив освобождения через гибель. Н. Бердяев про образ Кириллова писал: *«...есть самая кристальная, почти ангельски чистая идея освобождения человека от власти всякого страха и достижения состояния божественного <...> Путь Кириллова – путь героического духа, побеждающего всякий страх, устремленного к горней свободе» [9].*

Свою идею Кириллов строит на теории, старается обосновать идею и применить на практике, донести до общества свою мысль. Это отмечали многие исследователи, в частности Бердяев: *«Акт самоубийства необходим не для него самого, он необходим для других людей – этим актом Кириллов намерен продемонстрировать другим свое “пренебрежение” смертью, показать ничтожность страха смерти и самой смерти – ничтожность в отношении подлинного значения и сущности жизни» [9].* Но в отличие от своего литературного предшественника, героя Осоргина старается пробудить ото сна общество со стороны политики, а не философии, тогда как Кириллов аполитичен и к политике относится с равнодушием. Так или иначе, добровольное самопожертвование на пути приобретения свободы над своей жизнью – как для Наташи, так для Кириллова – наделяет их схожими чертами. Героиня Осоргина *«Бога отвергла без особого труда, но поспешила*

сделать богом “белокурого зверя”. И, раз его найдя, уже не расставалась с Заратустрой» [27, с. 9]. Изучая работы Ницше на берегу реки, в своей родной деревне Федоровка, Наташа увлеклась тем бунтом, проявлением свободы, что способен освобождать от застоявшихся и глубоко укоренившихся традиций. В свою очередь, Кириллов воспринимает Бога как чувство, проистекающее от ощущение страха от самой смерти («Бог есть боль страха смерти. Кто победит боль и страх, тот сам станет бог» [12]). Оба эти героя бросают вызов традиционному пониманию общества, и стараются всеми силами и возможностями изменить его облик.

Также объединяет этих двух персонажей конфликт, проистекающий из подчинения человеческой природы умозрительной идее. Естественная, настоящая природа склоняет голову перед могучей силой воли и убеждениями человека. Такая сила подвигала Наташу идти на Пресню, участвовать в планировании терактов, играть роли, несвойственные ей. Под влияние этой силы попадает и Кириллов, но в последствии герой погибает, а Наташе удается переосмыслить свою жизнь. Тюремное заключение позволило Наташе отгородиться от внешнего мира и заглянуть глубоко в себя и обнаружить, что все ее взгляды были надуманными (*«Все совсем иное, а той, прежней жизни нет и словно бы не было: когда учились по книжке, питали в себе любовь и ненависть по указанному трафарету, гибли по программе и мечтали о том, что не стоило мечтаний» [27, с. 179]*). Она испытывает счастье от гармонии с природой, от осознания себя частью большого мира, тем самым, автор наделяет свою героиню пантеистическим мировосприятием. Как и герои Осоргина, некоторые герои Достоевского придерживаются взглядов, близких к пантеистическим или софиологическим, например, юродивая Марья Тимофеевна Лебядкина, которая при упоминании, что Мать-Земля и Мать-Богородица суть одно и то же, говорит о божественном начале в природном.

В своих романах Осоргин во многом опирается на темы, которые волновали Достоевского. Сходство этих двух талантов встречается не только

в персонажах и поднимаемых вопросах, но и, частично, в их биографиях: Достоевский был причастен к делу кружка Петрашевского, которые являлись, по некоторым оценкам, революционерами, и был сослан на четырехлетнюю каторгу; Осоргин был членом группы эсеров-максималистов и провел несколько времени в тюрьме, а потом в политической эмиграции.

В романе «Свидетель истории» автор переосмысляет художественно и «Бесов», и «Преступление и наказание». Из «Бесов» ему близок Кириллов, который воплощает образ «мятежной человеческой мысли...» [45]; в «Преступлении и наказании» – Раскольников, образ мученика, жертвы идеи и обстоятельств. Как и Достоевский, Осоргин признает, что преступление во имя светлой «идеи» воспринимается как нарушение закона морали, но в то же время оба автора делают акцент на благородных целях, побуждающие совершить героев неправомерный поступок, что показывает двойственность персонажей Осоргина и Достоевского. Изображение сложных судеб героев Достоевского и Осоргина, через доказательства ложности собственных убеждений, показывает их сходство в позиции авторов.

3.2. М. Осоргин и Л. Андреев о революционерах-террористах

Из современных Осоргину писателей над проблемой крови «по совести» задумывался Л.Н. Андреев. Романтический культ Героя Андреев подверг сомнению в рассказе «Тьма» (1907). В «Рассказе о семи повешенных» автор пристально вглядывается в образы пятерых революционеров, пытаясь представить их мысли и чувства накануне казни. В своем творчестве Андреев отразил настроение части демократической интеллигенции, которая сочувствовала террористам революционерам, но не смогла увидеть их конечной цели [31]. Многие представители интеллигенции, поддавшись громким лозунгам, чувствуя в себе порыв к восстановлению справедливости в обществе, участвовали в демонстрациях наряду с простыми людьми из низших слоев общества. В «Рассказе о семи

повешенных» идет повествование о пятерых революционерах, которые предстают перед военно-полевым судом за покушение на тайного советника, министра юстиции И.Г. Щегловитого [11]. Как и Осоргин, Андреев отталкивался от истории и реальных прототипов. Всеволод Лебединский (террорист, член «Летучего боевого отряда Северной области партии эсеров») послужил прототипом для героя повести Вернера. Андреев переосмысляет историю, пытаясь показать поведение человека перед лицом смерти. Как говорил сам Андреев на первом чтении своего произведения: *«За несколько дней до чтения Андреев сказал мне: – <...>Я написал новый рассказ с простым названием – “Рассказ о семи повешенных”. Я вдумываюсь в психологию семерых, обреченных на смертную казнь...»* [11]. Осоргин также уделяет внимание внутренним изменениям и душевным терзаниям героев. В «Свидетеле истории» героиня Осоргина Наташа Калымова пишет письмо, подобно своему прототипу Наталье Климовой (данное письмо автор взял за основу, используя из него некоторые выдержки), в котором сообщает о своей любви к жизни и полном отсутствии страха перед смертью. В этом заключается различие героев Андреева и Осоргина. Лишь немногие герои Андреева лишены чувства страха перед гибелью, к таким можно причислить Мусю, которая видит в своей гибели особую миссию, слепо идя на смерть; Таню Ковальчук, у которой страх смерти притупляется чувством заботы о товарищах (*«...у Сережи может не оказаться табаку, а Вернер, может быть, лишен своего привычного крепкого чая, и это еще вдобавок к тому, что они должны умереть, мучило ее, пожалуй, не меньше, чем самая мысль о казни. ...она задыхалась от слез, от материнской жалости»*) [4]. Иным предстает Василий Каширин, который испытывает неподдельный, искренний страх перед смертью. Он не предполагал, что подвиг может повлечь за собой возможную гибель. Его романтическое представление о героизме, при столкновении с объективной, жестокой реальностью, разбивает все его фантазии. Подобное испытала и героиня Осоргина Наташа Калымова. Отбывая тюремное заключение, она переосмысляет свою жизнь, понимает

бессмысленность рисковать своей жизнью ради надуманных, посторонних убеждений. Но в отличие от Наташи, сохраняющей спокойствие и душевное равновесие, Василий Каширин *«весь состоял из одного сплошного, невыносимого ужаса смерти и такого же отчаянного желания сдержать этот ужас и не показать его судьям»* [4].

Близким по духу осоргинской Наташе Калымовой персонажем можно назвать андреевского Вернера. Для него важнее духовная победа, как и для Наташи: у нее нет страха смерти, важно лишь то природное, что она впитывала всю свою жизнь, она часть огромного естественного, духовного мира. Одна из важных черт Вернера – *«он не знал, что такое страх»* [4]

В отношениях к своим товарищам Вернер похож на Наташу. Он жалел товарищей, жалость возрастала у него на протяжении времени, т.к. первое время его чувство было формальным, неискренним: *«это была холодная, почти официальная жалость...»* [4]. Но такой жалости он не испытывал к себе самому. Предстоящая казнь – посягательство на «неотторжимую свободу духа» – вызывает у героя презрение. Наташа Калымова была не согласна с тем, что ей придется погибать в расцвете своей молодости: *«На двадцать втором году жизни умереть – невозможно! Умирают старики и больные, и это естественно, хотя жаль и их»* [27, с. 119]. Стоя перед лицом смерти, Вернер по-иному начинает смотреть на свою жизнь, понимает ее ценность. Главная ценность жизни для него – не только в ее неповторимости и уникальности, но и в «конечности», поскольку смерть есть одна из составляющих самой жизни. Находясь почти на границе жизни и смерти, Вернер ощущает ценность своего существования: *«Вернер вдруг увидел и жизнь и смерть и поразился великолепием невиданного зрелища. <...> И, уничтожая стены, пространство и время стремительностью всепроникающего взора, он широко взглянул куда-то в глубь покидаемой жизни. И новой предстала жизнь. <...> И новыми предстали люди, по-новому милыми и прелестными показались они его просветленному взору»* [4]. Подобная трансформация персонажа Андреева приводит к выводу, что

побороть дух смерть не в состоянии, лишь потеря самой силы духа убьет окончательно человека. У Осоргина Наташа поставила духовное освобождение выше идеи, и тем самым нашла свою истинную сущность. Не случайно роман «Свидетель истории» Осоргин заканчивает словами Будды, показывая полное духовное равновесие героини, и ее слияние с природой: *«Где нет ничего, где не существует никакой привязанности – там это единственной прибежище, – Нирваной называю я его. И кто достиг его – тот не знает никаких страданий»* [27, с. 184].

Персонажи Осоргина являются своеобразной квинтэссенцией персонажей Андреева – Наташа Калымова Осоргина включает себя и заботу о своих товарищах Тани, и бесстрашие Муси, и, самое главное, духовную стойкость Вернера. Андреев изобразил состояние человеческой личности, стоящей на пороге смерти, показав ее с разных сторон. В «Свидетеле истории» страху смерти были подвержены многие персонажи, но ими двигала либо идея, за которую они шли, закрыв глаза на любые последствия, даже если это стоит им жизни (братья Гракхи, Фаня, Олень), либо тяга к нечто большему, глобальному как Наташа Калымова, что помогло ей намного глубже осознать ценность жизни.

Заключение

Михаил Андреевич Осоргин прошел путь от революционера эсера-максималиста, борющегося с негодным для него политическим строем, уважаемого и почитаемого члена масонской ложи, до скромного писателя, пережившего оккупацию Франции немецкими интервентами и доживавшего с супругой свои оставшиеся года в небольшом домике в Шабри. В его мироотношении сочетались революционный порыв и желание оставаться в стороне, в качестве наблюдателя. Не смотря на отрицание провозглашенной новой власти и последующую высылку из страны, безрадостную жизнь в эмиграции, неприязнь со стороны местной эмигрантской интеллигенции, Осоргин смог пронести сквозь время безграничную любовь к своей родине, к людям и прежде всего – природе России.

В творчестве Осоргина роман «Свидетель истории» занимает почетное место среди прочих его произведений, таких как «Времена» и «Сивцев Вражек», в которых он поднимает аналогичные темы истории России, ее значимости для каждого, роли человека в истории и т.д. В «Свидетеле истории» Осоргин показывает людей вдохновленных, окрыленных идеей в лучшее будущее, отчаянно сражающихся за нее.

Вместе с тем, данном романе, как и в других, Осоргин поднимает тему значимости природной основы в жизни народа и отдельного человека. В природной первооснове сосредоточенно то истинное, первоначальное, настоящее, что должно присутствовать в любом человеке; природное начало должно возвышаться над ложным, идеологизированным миром. В романе описанный пейзаж играет ключевую роль для персонажа. Природа, описанная Осоргиным, показывает всю сущность персонажей, их чистоту, естественность. Описание природы дает нам понимание, что это настоящие люди, они часть природы. Любое вмешательство рационализма считается противоестественным, кощунственным.

Михаил Осоргин любил свою родину искренне, без лести и преувеличения. Желание сделать жизнь народа свободной приводит его к революционерам. Но, не смотря на отсутствие сочувствия к Российскому государству, которое разрушалось на его глазах, Осоргин отрицал проявление террора и насилия. Сам Осоргин говорил, что *«бездарен был бы народ, который в момент решения векового спора не сделал бы опыта полного сокрушения старых и ненавистных идолов, полного пересоздания быта, идеологий, экономических отношений и всего социального уклада»* [29]. Эта авторская декларация показывает, что Осоргин относился с пониманием, почему большевиков и других групп, в числе которых были и эсеры, толкнуло на данный путь. И поддерживать сторонников дореволюционной России в виду своих убеждений он тоже не мог, которые стали причиной разбушевавшейся в дальнейшем гражданской войны. В обоих случаях и тот и другой политический строй являлся силой, сдерживающей свободное развитие человека. Писатель говорил: *«бесчестен был бы народ, если бы он не выдвинул защитников идеи родины культурной, <...> идеи длительного подвига и воспитанной человечности»*. Осоргин признавал необходимость перемен, но их реализацию Осоргин видел иной, отличной от политики большевиков.

И в «Свидетеле истории» мы наблюдаем, как Наташа, будучи в заключении, осознает несовершенство идеи, продвигаемая эсерами, и меняет свои убеждения, начинает чувствовать себя частью природы, понимает, вечные законы природы одинаковы для всех людей, вне зависимости от сословия или политических убеждений. Так и Осоргин в последствии отошел от революционной деятельности, посвятив себя литературе и публицистике, где активно отстаивал идеи свободы человека. Во «Временах» Осоргин напишет о двух русских революциях, устанавливая их преемственность: *«Так, например, я определяю свое отношение к русской революции, которой был участником. Я знаю, что нелепо дробить ее на части, одну признавая, другую отрицая или подвергая сомнению; революция последовательна и*

едина, и Февраль немыслим без Октября». Смена государственного строя не принесла желанной свободы: *«Менять рабство на новое рабство – этому не стоило отдавать свою жизнь»* [25].

Персонажи Осоргина – «дети» своего времени, которые смогли показать свою силу, уверенность, верность своим идеям на лучшую жизнь. Все это передано автором без иронии и какой-либо насмешки. На протяжении романа «Свидетель истории» персонажи примеряют образы, несвойственные им (Наташа и Олень), рискуют своим здоровьем (девушка Фаня), готовы совершить фатальный шаг, утаивая глубоко в себе страх (братья Гракхи и многие персонажи), способны принимать неожиданные, порой отчаянные решения. Самоотверженность, верность идеям, решительность в своем выборе – не берутся из неоткуда. Их вела вера в лучшие времена, которые они мечтали построить – молодые, целеустремленные, полные сил. Осоргин глубоко ценил эти качества и передавал исключительность в их речах, описании и т.д. Особое место занимает образ Наташи, вокруг которого Осоргин и строит сюжет. У Осоргина женские персонажи, пережившие революционные события, чувствуют уверенность в настоящее время, и параллельно смотрят со смелостью и бесстрашием в будущее, но суровая действительность шла в разрез с идеалистическими представлениями Наташи, и вскоре она разочаровалась в пути террора и оставила его, избрав путь, благодаря Белову, который не противоречит философии о неразрывности человеческой жизни с природой, нестигаемость жизни перед попытками ее ограничить

Название должно отражать смысл содержания произведения. Осоргин назвал свой роман «Свидетель истории» и приписал данную характеристику одному из главных героев – отцу Якову. Как говорил сам автор: *«Мы, — я говорю об огромном большинстве русских, лишенных права или возможности возврата, — только зрители, только свидетели свершающейся истории»* [25]. В первую очередь, он говорил так о себе: скромный свидетель, наблюдающий со стороны, не причиняя никому

неудобств, просто следит за ходом истории. Отец Яков – одна из сторон самого Осоргина. В этом персонаже Осоргин отобразил свой взгляд на страну, на террор – без излишнего презрения, но с горечью и сожалением. На закате жизни Осоргин напишет в книге «Времена. Происшествия зеленого мира»: *«Заглянешь в прошлое, – горько до обиды, подумаешь о будущем и гонишь мысль»* [26]. Написано с горечью, болью и тоской о прошедшем, куда мчалась, и на каких крутых поворотах заносило историю нашей страны.

Для Осоргина всегда и во все времена родиной являлась, в первую очередь, не Россия как государство, а Россия-страна, русская природа, которая была ему ближе всего. В «Свидетеле истории» Осоргин дает точное определение его России: *«не народ, не государство, а необъятное пространство лесов, степей, гор, долин, озер и рек»* [27, с. 163]. Осоргин отделял Российское государство, существующее где-то параллельно той России, которая существует по вечным законам жизни. Что же такое – Россия? Кто знает ее лучше? Осоргин дает на это ответ: *«Никто ее не знает!»*. Через персонажа Якова в «Свидетеле истории», Осоргин подводит нас к мысли, что *«хорошо ее знать невозможно, велика»* [27, с. 164]. Россия для Осоргина – страна, *«судьбы которой не вычислены никакими астрологами, пути которой никому неведомы, <...> [страна] великого ребячества взрослых и старческой мудрости юношей»* [27, с. 71].

Политическое устройство общества, попытки сверху руководить жизнью народа, считал Осоргин, только мешают естественному течению народной жизни, подчиненной природным ритмам.

Роман «Свидетель истории» Михаила Осоргина, а также рассказ «Террорист», эссе «Россия» можно использовать для проведения внеклассных занятий в школах для учащихся 10 – 11 классов, наряду с теми произведениями авторов, которые поднимали, так или иначе, проблему права человека на насилие. Например, при изучении романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», а в классах гуманитарного профиля – и романа «Бесы», а также при обращении к «Рассказу о семи повешенных» Л.

Андреева. Возможна привлечение произведений Осоргина в качестве дополнительного материала на уроках истории, посвященных теме революционных событий в России 1905 – 1917 гг. На уроках, проводимых в форме беседы, обсуждения или диспута, можно узнать мнения учащихся по вопросу о допустимости революционного насилия, о значимости описываемых событий для истории России и ее развития в дальнейшем; на чьей стороне, по мнению учащихся, была правда – революционеров или действующей, законной власти. Материалы проделанного нами исследования могут использоваться и при вузовском изучении романов Осоргина «Сивцев Вражек», «Свидетель истории», «Времена». Гуманистическая позиция писателя является надежным критерием в оценке исторических катаклизмов.

Список литературы

1. Авдеева О., Лучшие на свете книги написаны большими сердцами... // М. Осоргин, Собрание сочинений в 2-х томах, т. 1, М.: 1999; Авдеева О. Ласточки непременно прилетят...// Осоргин М. Сивцев Вражек, М.: 1990.
2. Адамович Г. «Сивцев Вражек» М. А. Осоргина. «Звено» 1928, №5, Париж: с. 343.
3. Алданов М. Предисловие. Осоргин М. Письма о незначительном, Нью-Йорк: 1952.
4. Андреев Л. Повести и рассказы. М.: 1957. 524 с.
5. Барковская Н. Возвращение к истокам (Осмысление исторической судьбы России в «Старинных рассказах» М.Осоргина) // Михаил Осоргин: Жизнь и творчество: Материалы первых осоргинских чтений, под ред. Абашева В., Коминой Р., Ласунского О., Пермь: 1994.
6. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Худож. лит., 1975.
7. Бем А. Л. Блошинная философия (М. Осоргин. Конец отца Якова). URL: www.mochola.org/russiaabroad/bem/bem20_otecyakov.htm (дата обращения 25.05.2020).
8. Бентам И. Принципы законодательства; О влиянии условий времени и места на законодательство; Руководство по политической экономии. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2012.
9. Бердяев Н.А. Откровения о человеке в творчестве Достоевского. С. 8. URL: <http://litlife.club/br/?b=114526&p=8> (дата обращения: 01.08.2016).
10. Боравская И. Воплощение натурфилософской концепции в художественной прозе Осоргина М. 1920-х годов, М.: 2007.
11. Вильчинский В.П. Правда истории, художественный отбор и произвольный домысел («Рассказ о семи повешенных» Леонида Андреева) // Русская литература. 1970. № 1. С. 157–162.

12. Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 10 т. М.: Госизд-во худ. лит., 1957. Т. 7.
13. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Достоевский Ф. М. Собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука, 1973. Т. 6.
14. Жлюдина А. В. Путь Наташи Калымовой в романе М. А. Осоргина «Свидетель истории» // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2010. Вып. 8 (98). С. 110–114.
15. Жлюдина А.В., Хатямова М.А. Топология романа М. Осоргина «Свидетель истории»: Путешествие Якова Кампинского // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2011. 11 (113)
16. Комина Р.К. Чеховская Россия в произведениях Осоргина // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная литература, реферативный журнал, серия 7, Литературоведение; М.: 1996 г.
17. Комина Р. В., Ласунский О. Г. Михаил Осоргин : страницы жизни и творчества. Пермь: Пермский ун-т, 1994.
18. Ласунский О. Михаил Осоргин: структура, качество и эволюция таланта // Михаил Осоргин: жизнь и творчество: Материалы первых осоргинских чтений, под ред. Абашеева В., Коминой Р., Ласунского О., Пермь: 1994; Ласунский О. В споре с эпохой; Осоргин М. Воспоминания. Повесть о сестре, Воронеж 1992.
19. Лейдерман Н.Л. Теория жанра. Исследования и разборы. Екб: Российская академия образования. Уральское отделение. Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник». Уральский государственный педагогический университет, 2010 г., 905 с.
20. Лифанова И. В. Свидетель, преступник или жертва? (Образ отца Якова в диалогии Михаила Осоргина «Свидетель истории» и «Книга о концах» // Русская литература XX века: итоги и перспективы изучения. М.: Сов. спорт, 2002. С. 311–321.
21. Лобанова Г. «Маленький человек» в вихре истории: опыт анализа романов Осоргина М. 1920–1930 гг., Уфа: 2008.

22. Лопатин Г.А. «Из-за решетки». Сборник стихотворений русских заключенников по политическим причинам в период 1873 — 77 гг., осужденных и ожидающих «суда». Женева: 1877.
23. Марченко Т. Творчество М. А. Осоргина: 1922–1942, М.: 1994.
24. Морозов Н.А. Из книги "Повести моей жизни" / т. 3 - изд-во АН СССР, 1947
25. Осоргин М. А. Времена: Автобиографическое повествование. Романы. — М.: Современник, 1989.
26. Осоргин М. А. Времена. Происшествия зелёного мира. М.: Интелвак, 2005.
27. Осоргин М. Свидетель истории. URL: http://royallib.com/book/osorgin_mihail/svidetel_istorii.html (дата обращения: 05.08.2016)
28. Осоргин М.А. Собрание сочинений. Т. 2. Старинные рассказы // Составление, послесловие О.Ю. Авдеевой. Комментарии О.Ю. Авдеевой и А.И. Серкова. - М.: Моск. рабочий; НПК "Интелвак", 1999.
29. Осоргин М. А. Сивцев Вражек: Роман. Повесть. Рассказы. — М.: Московский рабочий, 1990.
30. Осоргин М. А. Как нас уехали. Юбилейное // Архивная копия от 11 марта 2007 на Wayback Machine Очерк, 1932 (фрагмент из воспоминаний) Времена. Париж: 1955. С. 180-185.
31. Петров В.Б., Мусийчук М.В. Психология страха, или человек перед лицом смерти в повести Л. Андреева «Рассказ о семи повешенных». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-straha-ili-chelovek-pered-litsom-smerti-v-povesti-l-andreeva-rasskaz-o-semi-poveshennyh/viewer>
32. Поликовская Л. Осоргин Михаил Андреевич // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь, под ред. А. Николаева, том 4, М.: 1999, с. 456.
33. Поликовская Л. Публицистика Михаила Осоргина (август 1916 – сентябрь 1918 гг.): темы, идеи, жанры // Михаил Осоргин: жизнь и

творчество: Материалы первых осоргинских чтений, под ред. Абашеева В., Коминой Р., Ласунского О., Пермь: 1994.

34. Поликовская Л. Жизнь Михаила Осоргина. Строительство собственного храма. Издательство «Крига», Спб.: 2014.

35. Савенков Б. «Воспоминания террориста» Издательство: Зебра-Е, Серия: Знаки времен 2009 г.

36. Сухих О.С. Проблема свободы и философия самоубийства в романах «Бесы» Ф.М. Достоевского и «Свидетель истории» М.А. Осоргина // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 6. С. 80–87.

37. Сухих О. С. Традиции Ф.М. Достоевского в романах М. Осоргина «Свидетель истории» и «Книга о концах»// Уральский филологический вестник, 2016, №4

38. Тмарченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н. Теория литературы в двух томах // Под редакцией Тмарченко Н.Д. Том 1. Высшее профессиональное образование. М: АСАДЕМА, 2004 г., 511 с.

39. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (введение в тему) // Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. – М.: 1995.

40. Фарино Е. Введение в литературоведение // Учебное пособие. Спб: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004 г., 640 с.

41. Фини Д. М.А. Osorgin – The Last Mogician of the Russian Intelligentsia, 1976 (перевод - М.А. Осоргин – Последний из Могикан российской интеллигенции)

42. Фрадкина С. Я. На перекрестке традиций («Сивцев Вражек» Михаила Осоргина и традиции русской классики) // Михаил Осоргин. Страницы жизни и творчества. Пермь: Пермский ун-т. 1994. С. 13-21.

43. Фрадкина С.Я. На перекрестке традиций («Сивцев Вражек» М. Осоргин и традиции русской классики») // Социальные и гуманитарные

науки. Отечественная литература, реферативный журнал, серия 7,
Литературоведение; Москва, 1996 г.

44. Фролова Галина Александровна, Божкова Галина Николаевна,
Быков Антон Валерьевич. Типы героев-террористов в русской литературе
рубежных эпох. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/typy-geroev-terroristov-v-russkoy-literature-rubezhnyh-epoch>

45. Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство. URL:
http://royallib.com/book/chhartishvili_grigoriy/pisatel_i_samoubiystvo.html (дата
обращения: 06.08.2016).

46. Antoni Wortnowski. Историческое время в эмиграционной прозе
Михаила Осоргина. Wydział Neofilologii UAM w Poznaniu. Poznań, 2016